

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

8.1

3 выпуска в год на 17 языках

Разговор о социологии с Виржинией Фонтес

Гильерме Лейте
Гонсальвес

XIX Всемирный Конгресс МСА в Торонто

Маргарет Абрахам
Рима Уилкс
Патриция Албанезе
Франсуа Лашапель
Патрик Джон Бёрнетт
Митчелл МакАйвор
Микки Вэлли
Элиз Майолино
Кэри Ву

Гендер и насилие

Мэгги Уолтер
Джослинн Балтра-Улоа
Джейкоб Прен
Каммила Нэйдю
Магдалена Гжиб
Сильвия Уолби

Маркс и социология сегодня

Гашпар Миклош Тамаш
Эрик Олин Райт
Александра Шееле
Штефани Вэль
Боб Джессоп
Гильерме Лейте Гонсальвес
Сатиш Дешпанде
Мишель Уильямс
Раджу Дас
Дэвид Фэйзенфест

Открытый раздел

- > Классовое неравенство в Китае
- > Государственные и частные университеты Индии
- > Новая и старая команда редакторов

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 8 / ВЫПУСК 1 / АПРЕЛЬ 2018
<http://globaldialogue.isa-sociology.org>

ГД

> От редакторов

«Если экономика рассматривает мир с точки зрения рынка и расширения рыночных отношений, а политология — с точки зрения государства и гарантий политической стабильности, то социология смотрит на мир с точки зрения гражданского общества и защиты социальной сферы. В эпоху тирании рынка и государственного деспотизма социология — в особенности её публичное лицо — встаёт на защиту интересов человечества».

Обращение Майкла Буравого, президента Американской социологической ассоциации, 2004 г.

«Перед глобальной социологией стоят <...> три задачи. Если первая задача — создание социологии общества, вторая — построение социологии как составной части общественной жизни, то третья задача — конструирование социологии для общества и защита самого объекта исследования — гражданского общества, на котором изначально и основывается социология».

Обращение Майкла Буравого, президента Международной социологической ассоциации, 2014 г.

Начиная наш первый выпуск «Глобального диалога» двумя цитатами из речей Майкла Буравого, мы как новые редакторы отдаём должное богатой истории этого уникального журнала публичной и глобальной социологии (см. [редакторскую колонку Майкла в ГД7.4](#)).

Первая цитата — отрывок из программной речи Майкла, которую он произнёс, когда занимал пост президента АСА. В ней он приводит убедительные аргументы в защиту публичной социологии. Вторая цитата, взятая из президентского обращения Буравого на XVIII Мировом конгрессе МСА, очерчивает контуры глобальной социологии. «Публичное — значит глобальное» (*“Going public – going global”*): именно так Майкл во второй речи подводит итог десяти годам, прошедшим с момента его первого обращения. В это десятилетие тезисы Буравого о публичной социологии стали предметом жарких международных дебатов; весь мир обсуждал перспективы развития современной социологии, чего она может добиться в современном обществе. Все эти годы Майкл преподавал в американском университете и проводил исследования в США; несмотря на это (или как раз по этой причине), он критически относился к гегемонным социологиям. Именно в этот период он основал «Глобальный диалог». Всего через семь лет Майкл вместе с социологами всего мира превратил своё начинание в процветающий журнал публичной социологии. Не обязательно разделять позицию Буравого в отношении публичной социологии, чтобы признать, что ему удалось создать издание, распространяющее социологическое знание за пределы чисто академической сферы. У социологов всего мира появилась дискуссионная площадка, где можно озвучить результаты исследований, мнение о мировой ситуации и мысли по поводу самой дисциплины.

Когда Майкл спросил нас, сможем ли мы сменить его на посту редактора «Глобального диалога», это была большая честь. Нам было приятно, что он доверил нам эту задачу. Предвидя проблемы, сопутствующие такому проекту, мы серьёзно подошли к принятию данного решения. Наиболее убедительным аргументом «за» для нас как социологов, сопричастных критическим традициям дисциплины, стало описание задач социологии в услови-

ях, которые Майкл описал как «эпоху тирании рынка и государственного деспотизма».

Наши общества переживают процесс глубинной масштабной социальной трансформации, начиная с середины 1970-х гг. Данные процессы характеризуются явственными кризисами, происходящими на Глобальном Севере и Глобальном Юге, на Востоке и Западе. Это и экономический кризис 1970-х, и крах социалистического государства, и глобальное расширение финансового капитала, и возвышение стран БРИКС, и глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. Среди критических исторических перемен назовем следующие: распад, реструктуризация и реконфигурация государства благосостояния во всём мире, происходящие с 1980-х гг.; новые движения протеста; экономические, политические и религиозные войны за ресурсы и гегемонию; вынужденные миграции беспрецедентных масштабов; материальное обнищание и социальный кризис, охватывающие целые регионы и страны в результате экологических катастроф; резкий рост социального неравенства. Мы также наблюдаем «конформистское восстание» (в терминах Адорно) нового правого популизма и тенденцию к установлению авторитарных форм государственной власти, которые всегда вступают в конфликт с новыми демократическими движениями в обществе.

Данные феномены отражают неравномерное развитие современных обществ, обусловленное сложным сочетанием экономических, политических, социальных и культурных факторов, имеющих (что ещё более важно) кардинально различные последствия. Однако в то же время мы наблюдаем тенденцию к слиянию и укреплению интернациональных и транснациональных отношений. Примеры этому — рыночно-ориентированная реорганизация различных капиталистических систем; популистские движения, возникающие параллельно в США, Европе, Азии и Латинской Америке; возобновление роста классового неравенства почти во всех странах ОЭСР; резкий возвратный рост неравенства по гендерному, этническому/национальному основаниям.

Несмотря на то, что социологические интерпретации данных феноменов значительно разнятся и порой даже

>>

противоречат друг другу, среди социологов существует общее мнение, что происходящие изменения влияют на суть самой дисциплины. В мире пост-правды социология, направленная на поиск «истины», полностью лишается социальной релевантности. При сохранении данного подхода социология, анализирующая социальные тенденции, подвергающаяся их критике и рефлексии по поводу них, будучи при этом основана на дискурсе свободы от всякого господства, обречена как дисциплина. Поэтому, несмотря на все различия, социологи обязаны найти общие интересы и помочь организовать диалог между академической и неакадемической публикой, содействуя общей дискуссии и принимая в ней личное участие. Как новые редакторы «Глобального диалога», мы намерены создать площадку для объединения социологических знаний, производимых в разных частях мира, а также стимулировать оживлённую дискуссию об общественных событиях и о путях развития нашей дисциплины.

Настоящий выпуск открывает интервью с Виржинией Фонтес, выдающейся исследовательницей, развивающей марксистскую теорию в Латинской Америке. Фонтес рассуждает о бразильской традиции в социальной теории и об актуальности марксистской концепции экспроприации для критики политэкономии и анализа событий, последовавших за парламентским переворотом 2016 г. в Бразилии.

Более пяти тысяч социологов соберутся на XIX Всемирном Конгрессе МСА в Торонто (Канада), чтобы обсудить результаты исследований и задачи социологии перед лицом насущных проблем нашего времени. Президент МСА Маргарет Абрахам объясняет, почему так важна тема Конгресса — «Власть, насилие и справедливость: осмысление, ответы и ответственность». Патриция Албанезе, председательница Местного организационного комитета, Рима Уилкс, президент Канадской социологической ассоциации, а также молодые канадские учёные в своих статьях дают нам представление о канадском обществе и канадской социологии.

Гендерное насилие часто оказывается табуированной темой. Сейчас постоянно предпринимаются попытки привлечь к ней общественное внимание, а масштаб

этой проблемы вызывает негодование. По приглашению Маргарет Абрахам авторы из Польши, Великобритании, Австралии и Южной Африки рассказывают о событиях в этих странах, связанных с гендерным насилием.

200-й юбилей Карла Маркса стал поводом для обсуждения современного состояния марксистской теории и тенденций ее развития. Мы пригласили ряд учёных к написанию тематического раздела, посвящённого этому событию. В этих статьях приводится глубинный анализ истории социологии, а также рассматривается международная дискуссия вокруг марксистской теории и критика трудов Маркса с различных позиций. Эти короткие, но емкие по содержанию статьи показывают, каким образом Маркс может стать опорой для теории общества и подспорьем для дискуссии об альтернативном общественном развитии. Кроме того, в подборке представлены феминистская критика Маркса, применение марксистской теории для общего анализа современных капиталистических систем, взгляд Маркса на развитие государства и права и многое другое. Работы авторов, представляющих разные социологические традиции, демонстрируют международное признание Маркса.

Первая статья в «Открытом разделе» посвящена влиянию маркетизации на учебную программу факультетов социологии в университетах Индии. В данном разделе мы также публикуем статью об условиях труда в Китае. Помимо этого, мы знакомимся с членами команды «Глобального диалога», которые приняли на себя обязанности новых редакторов или же продолжают работу в качестве редакторов журнала.

Мы с лёгкостью встретили новое начало благодаря великодушной поддержке Майкла Буравого, а также тёплому приёму международной команды журнала и всех структур МСА, связанных с «Глобальным диалогом». Мы хотели бы поблагодарить всех, кто нас поддерживает. Мы надеемся на успешную и плодотворную работу над «Глобальным диалогом» и всегда открыты для новых идей и предложений социологов всего мира. ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрре,
новые редакторы «Глобального диалога»

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте МСА](#).

> Присылайте статьи на адрес globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Кристине Шикерт.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

Редакторы-консультанты:

Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильгермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоглу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир: Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Аргентина: Хуан Игнасио Пиовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бангладеш: Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джувель Рана, У. С. Рокея Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Кази Фадия Эша, Хелаль Уддин, Мухаймин Чаудхури.

Бразилия: Густаво Танигути, Андреса Гальи, Лукас Амараль Оливейра, Бенно Варкен, Анжело Мартинс Младший, Дмитри Сербонсини Фернандес.

Индия: Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лучия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияи, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибuddin, Домингус Элчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.

Иран: Рейханех Джавади, Нияйеш Долати, Сина Бастани, Митра Данешвар, Вахид Ленджанзаде.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспеева, Куаныш Тель.

Польша: Якуб Барщевски, Ивона Бояджиева, Катажина Дембска, Паулина Домагальска, Лукаш Дульняк, Кшиштоф Губаньски, Сара Херчиньска, Юстына Кощиньска, Каролина Николаевска-Зайонц, Адам Мюллер, Зофия Пенза-Габлер, Александра Сенни, Анна Вандзель, Яцек Зых.

Россия: Анастасия Даур, Андрей Синельников, Елена Здравомыслова.

Румыния: Косима Ругиниш, Раиса-Габриэла Замфиреску, Мария-Лоредана Арсене, Тимя Барабаш, Дениса Дан, Диана Александра Думитреску, Раду Думитреску, Юлиан Габор, Алина Хоарэ, Александра Иримие-Ана, Кристиана Лотря, Анда-Оливия Марин, Бьянка Михайлэ, Андрея Елена Молдовяну, Рареш-Михай Мушат, Оана-Элена Негря, Мьоара Параскив, Кодруц Пынзару, Адриана Соходоляну, Елена Тудор.

Тайвань: Чжин Мао Хо.

Турция: Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Япония: Сатоми Ямамото, Масаки Йокота, Юко Масуи, Кота Накао, Рихо Танака, Масаки Токумару, Манэ Ямамото.

Виржиния Фонтес, ведущий теоретик-марксист Латинской Америки, размышляет о важности марксистской концепции экспроприации для критики политэкономии и анализа событий, последовавших за парламентским переворотом 2016 г. в Бразилии.

XIX Всемирный Социологический Конгресс МСА пройдёт в июле 2018 г. в Торонто (Канада). Патриция Албанезе — председательница Местного организационного комитета — а также пять молодых учёных представляют современную канадскую социологию.

В год 200-летия Маркса социологи всего мира размышляют, насколько актуальной остаётся марксистская теория для понимания современных явлений в различных областях — от государства и закона до расизма и феминизма.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> В номере

От редакторов 2

> РАЗГОВОР О СОЦИОЛОГИИ

Интервью с Виржинией Фонтес: разговор об империалистическом капитализме

Гильерме Лейте Гонсальвес, Бразилия 6

> XIX ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС МСА В ТОРОНТО

Власть, насилие и справедливость

Маргарет Абрахам, США 10

Канадская социология и Всемирный Конгресс

Рима Уилкс, Канада 12

Возможность быть социологом: встреча в Канаде

Патриция Албанезе, Канада 14

Канадские университеты: между национальным и глобальным

Франсуа Лашапель и Патрик Джон Бёрнетт, Канада 16

Влияние студенческого займа на жизнь недавних выпускников Канады

Митчел МакАйвор, Канада 17

Как стать учёным-гражданином

Микки Вэли, Канада 18

Работа с идентичностью и политические лидеры Канады

Элиз Майолино, Канада 20

Растёт ли уровень доверия среди иммигрантов в Канаде?

Кэри Ву, Канада 21

> ГЕНДЕР И НАСИЛИЕ

Интерсекциональность, автохтонность, гендер и насилие

Мэгги Уолтер, Джослинн Балтра-Уллоа, Джейкоб Прен, Австралия 23

Сексуальное насилие и «корректирующее изнасилование» в Южно-Африканской Республике

Каммила Нэйду, ЮАР 25

Польша: домашнее насилие становится очевидным

Магдалена Гжиб, Польша 27

На пути к искоренению насилия?

Сильвия Уолби, Великобритания 29

> МАРКС И СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

200 лет Марксу 31

Маркс и социология, 2018 год

Г. М. Тамаш, Венгрия 32

Актуальность марксистской традиции для преодоления капитализма

Эрик Олин Райт, США 34

Феминизм против марксизма

Александра Шееле, Германия, Штефани Вэль, Австрия 36

Маркс и государство

Боб Джессоп, Великобритания 38

Капиталистическое *Landnahme*: новый марксистский подход к праву

Гильерме Лейте Гонсальвес, Бразилия 40

Маркс и социология в Индии

Сатиш Дешпанде, Индия 42

Маркс в двадцать первом веке

Мишель Уильямс, ЮАР 44

Маркс и Глобальный Юг

Раджу Дас, Канада, Дэвид Фэйзенфест, США 46

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Классовое неравенство и социальная борьба в Китае

Дженни Чань, Гонконг 48

Сравнительное исследование общественных и частных университетов Индии

Нихарика Джайсвал, Нью-Дели, Индия 50

Новая и старая команда редакторов «Глобального диалога» 52

“Сегодня мы, социологи, не можем позволить себе оставаться безучастными к конфликтам современности. Оставаясь в стороне от происходящего, мы рискуем оказаться ненужными гражданскому обществу.”

Маргарет Абрахам

> Разговор об империалистическом капитализме

Интервью с Виржинией Фонтес

Виржиния Фонтес.

Гильерме Лейте Гонсальвес: В сфере производства и передачи знаний теория зависимости представляет собой яркий пример преодоления интеллектуальной вторичности, от которой иногда страдают работы латиноамериканских мыслителей. В мировом масштабе эта теория оказалась востребована в различных областях исследований. Можно ли объяснить такое признание её потенциалом для описания и критики структурных оснований капиталистического общества?

Виржиния Фонтес входит в число наиболее известных современных марксистов Латинской Америки. Она является профессором социальной истории Федерального университета Флуминенсе и старшим научным сотрудником Фонда Освальдо Круза в Рио-де-Жанейро в Бразилии. В своей книге *«Reflexões im-pertinentes: História e capitalismo contemporâneo»*, опубликованной в 2005 году, она рассматривает развитие капитализма и новые формы коммодификации, сочетая теоретические рассуждения и эмпирический анализ. Её исследования посвящены в значительной степени процессам экспроприации, что отражает укрепление позиций критики политической экономии в современной социальной теории. Вышедшая в 2010 году и получившая широкое признание монография *«O Brasil e o capital-imperialismo. Teoria e história»* является вершиной её концептуального творчества. Развивая критический диалог с Руем Мауро Марини, одним из главных сторонников марксистской теории зависимости (или теории зависимого развития), профессор Фонтес выдвинула новую теорию империализма, благодаря которой марксизм в Латинской Америке смог продвинуться далее идей, сформулированных в 1960-е годы. Мы публикуем интервью, взятое у неё **Гильерме Лейте Гонсальвесом**, профессором социологии права Государственного университета Рио-де-Жанейро (UERJ).

Виржиния Фонтес: Исследователи прилагают серьезные теоретические усилия, стараясь отделить марксистскую теорию зависимости (МТЗ) от тех подходов, которые предполагают адаптацию к капитализму, а не противостояние ему. В свое время работа У. Росту «Стадии экономического роста: некоммунистический манифест» (1960) стала мантрой международных институций, которые до сих пор приписывают так называемым развивающимся странам шаги и ступени развития. Однако многочисленные эмпирические исследования доказали, что теория

>>

стадийного развития неверна. Работы, проведенные под эгидой ООН (ЭКЛАК/СЕРПАЛ), доказали, что экспансия капитализма оказалась преградой для процесса развития стран, позднее ставших на путь капиталистического развития, поскольку «неэквивалентный обмен» лишил эти страны произведённых ими материальных ценностей, что становилось препятствием для их индустриализации. Другие исследователи считают недостаточное развитие формой, которую приобретает капитализм в периферийных странах. Несмотря на убедительную критику, эти теоретические взгляды остаются весьма популярными при объяснении «капиталистического развития».

Подход марксистской теории зависимости гораздо более широк, чем приведенные выше взгляды. Анализируя экспансию капитализма как процесс обострения различных форм неравенства, МТЗ рассматривает капиталистические отношения в целом, а также исследует через призму теории прибавочной стоимости конкретные формы капиталистической экспансии в периферийных странах. Эта теория еще раз обращает внимание на то, что побороть необходимо капитализм как таковой, а не его недостаточное развитие или присущие ему различные формы зависимости.

ГЛ: В своей работе Вы подвергаете критике теорию периферийного капитализма, разработанную Мауро Марини. Марини считает, что зависимое положение латиноамериканской буржуазии приводит к деформации капиталистического развития в регионе, вызванной ограниченным функционированием закона прибавочной стоимости из-за сверхэксплуатации труда. Это означает, что периферийная буржуазия, конвертируя фонды потребления, которыми должны были пользоваться трудящиеся, в фонды капиталистического накопления, ухитряется присваивать одну часть прибавочной стоимости и сдавать другую ее часть капиталистическому центру. Как Вы относитесь к этому тезису?

ВФ: Марини — глубокий мыслитель, придерживающийся двойной перспективы при рассмотрении данной темы. Он считает, что роль, которую играет отдельно взятая периферийная страна, нельзя определить достаточно чётко. Существуют переменные, определяемые империализмом, процессами локального накопления капитала, ролью государства, социальной борьбой. Его анализ чрезвычайно историчен и полностью отвергает принятую негибкую иерархию стран и прочие виды редукионизма, что позволило ему отобразить бразильский суб-империализм в контексте изменений, происходящих с интернациональным капитализмом. Более того, он применяет структурный подход к анализу функционирования закона прибавочной стоимости в условиях империализма: сверхэксплуатация трудящихся в периферийных странах и разрыв между циклами производства и потребления объясняют отток прибыли в страны капиталистического центра. Таким образом, Марини не оставляет без внимания противоречия между империализмом и универсализмом марксистской теории прибавочной стоимости, а также между национальными особенностями и империалистическими реалиями.

Теория Марини должна подвергаться постоянной реинтерпретации, поскольку он одновременно обращается и к процессу экспансии капиталистических отношений, и к процессам неравномерного воспроизводства зависимости. На основании этой теории мы можем предположить, что зависимость не означает установления фиксированных отношений между странами и постоянного воспроизводства суб-цикла в рамках глобальной капиталистической системы. Напротив, зависимость предполагает обострение капиталистических противоречий. Я анализировала экспансию капиталистических общественных отношений в Бразилии в период, последовавший за активной экспроприацией крестьянства (раскрестьяниванием). Истощение крестьянского «резерва» привело к экспансии закона прибавочной стоимости (а не к ослаблению его действия) в связи с формированием социально-исторических условий воспроизводства рабочей силы. Путём упорной борьбы трудящиеся добились некоторого улучшения своего положения, но вскоре за этим последовал цикл агрессивных вторичных экспроприаций, организованных капиталом. Эти вторичные экспроприации также оказывают влияние на центральные страны, и поэтому тезис Марини о сверхэксплуатации нужно постоянно рассматривать с учётом меняющейся международной ситуации.

Также произошли перемены в отношении разрыва между производством и потреблением. В 1960-х гг. бразильская промышленность производила предметы роскоши с расчётом на экспорт или потребление небольшой социальной стратой. Однако начиная с 1970-х гг. потребительские кредиты сделали такие товары более доступными для широких слоев населения, что повлияло на разрыв между производством и потреблением, а также обострило неравенство. Марини предположил, что определяющими чертами бразильского суб-империализма являлись экспорт товаров (вызванный недостаточным потреблением со стороны сверхэксплуатируемого рабочего класса) и сравнительная автономия государства. В связи с этим я отмечала еще в 1990-е гг., что бразильский суб-империализм характеризуется перемещением бразильских компаний в другие периферийные страны и формированием бразильских транснациональных корпораций, которые напрямую занимаются экспортом капитала или эксплуатацией рабочей силы и природных ресурсов в других странах. В работах Марини я не вижу тезиса о «деформированном» капитализме в периферийных странах, так как подобное представление предполагает возможность того, что предыдущая стадия развития могла перейти в фазу «нормального» капитализма, что само по себе является ложной посылкой.

ГЛ: В чём разница между концепцией суб-империализма Марини и вашей концепцией империалистического капитализма? Почему Вы пользуетесь термином «империалистический капитализм»?

ВФ: Наши исследования разделяет несколько десятков лет. Марини основное внимание уделял структурным основаниям трансфера стоимости, а моей целью является выявление взаимосвязи между социальным производством

>>>

рабочей силы (благодаря экспроприациям), конкретными формами концентрации и интернационализации собственности, новыми способами извлечения прибавочной стоимости, а также изменениями в устройстве государств и политики (в чём я опираюсь на Грамши). Обострение социальных противоречий всё в большей и большей степени оказывается вызвано оппозицией капитала и труда, даже когда оно замещается напряженностью отношений в рамках империалистического капитализма.

Я назвала империалистическую экспансию новой ступенью развития капитализма, при которой происходит *одновременно концентрация и конкуренция капиталов*. Внутреннее господство капитала требует внешней экспансии, осуществляемой при помощи рынков, экспорта, циркуляции капитала, и подстёгивает экспроприацию земель, прав и жизненно важных составляющих среды обитания целых популяций. Основополагающие для капитала общественные отношения выстраиваются на базе жёсткого противостояния коммунизму. Новые фракции буржуазии и некоторые периферийные государства набирают силу, но разнообразие их политического устройства оказывается усечено до номинально «демократического» шаблона. Масштаб централизации и концентрации капитала в центральных странах и некоторых странах периферии ведёт к преобладанию порнографического гибрида — «чистой собственности», всё более и более «абстрактной» и «социальной». Кучка крупных собственников, стремясь валоризовать капитал, вынуждает «функционирующих капиталистов» прибегать к самым различным, а иногда и бесчеловечным способам извлечения прибавочной стоимости. Право частной собственности на социальные ресурсы производства (возможность задействовать средства производства и рабочую силу для извлечения прибыли) возводится в абсолют. Всё интенсивнее развиваются различные виды экспроприации, и, вследствие индустриализации всех видов человеческой жизнедеятельности и обострения конкуренции между трудящимися, это приводит к возникновению новых, чудовищных форм труда.

Я стараюсь избегать употребления терминов «неолиберализм» и «кризис». Неолиберализм — это не крах «цивилизованного» капитализма, потому что он возникает в результате экспансии, а не кризиса этого империалистического капитализма. И на нашу жизнь непосредственно влияет эта масштабная экспансия: кризисы воздействуют на трудящиеся массы, даже не затрагивая «чистую» собственность. Расширение капитала в пространственной сфере противоречивым образом сопровождается политической инкапсуляцией рабочих масс в пространстве государства. Значительная часть человечества вовлечена в процесс кругооборота капитала и/или процесс производства, подпитывая неравенство. Распространяются представительные-демократические формы правления, но демократия сводится к авторитарной модели власти богачей. Политическая деятельность становится двухполярной: для капитала — интернационализм, для труда — разобщение. Крайне силен буржуазный активизм, проявляющий себя в деятельности официальных международных организаций (ООН, ВТО, МВФ), в неформальной политике (распространение

некоммерческих организаций) или официальной внутригосударственной политике. Конституционные блокады и экспертные комиссии помогают буржуазии предотвращать все попытки народа перерастить капитализм. Органы государственного управления изобилуют финансируемыми капиталом бюрократическими структурами, что снижает демократизм и сокращает свободу действий для подчинённых классов. Именно экспансия капитал-империализма (а не его кризис) приводит к новым противоречиям между социальными классами и странами империалистического капитализма как в национальном, так и в международном масштабе.

ГЛ: *В основе понятия «империалистический капитализм» (или «капиталистический империализм») лежит категория экспроприации, что отсылает к размышлениям Маркса о так называемом первоначальном накоплении капитала. Дискуссии по данному вопросу представляют собой давнюю традицию, которая восходит к работам Розы Люксембург. Каково Ваше отношение к этой традиции? Что такое «экспроприация» и как она связана с извлечением прибавочной стоимости?*

ВФ: Маркс настаивает на том, что экспроприации являются интегративной частью капиталистической динамики. Они — не только «то, что происходило до наступления капитализма». Существование свободной рабочей силы является *социальной базой* экспансии ключевого для капитализма *вида социальных отношений* — отношений труда и капитала, включающих в себя извлечение прибавочной стоимости (валоризацию прибавочной стоимости). Сегодня всё население Земли охвачено идеологией, рассматривающей людей как предметы одноразового использования, максимальным образом усекающей жизнь индивидов и заставляющей их соглашаться на продажу рабочей силы на любых условиях. Крупномасштабная экспроприация — это и отправной пункт капиталистической экспансии, и её результат.

До недавних пор подавляющее большинство населения мира жило в сельской местности в докапиталистических условиях. Сельская местность представлялась подходящей «внешней стороной» для городского капитализма, но ситуация изменилась. Роза Люксембург считала, что для экспансии капитала необходимы некапиталистические территории, поскольку присущие капиталистическим обществам ограничения не позволяют удовлетворять меркантильные интересы капиталистов. Дэвид Харви развил это утверждение, выдвинув предположение, что сегодня капитализм создаёт такие внешние территории (это «отчуждение», происходящее при развёртывании «нормализованного» капитализма). Я не соглашусь: «нормального» капитализма никогда не существовало, а в странах, где он якобы устанавливался, извлечение прибыли принимало варварские, империалистические формы. Подобные предположения заманчивы, но мы не должны забывать, что базовым внутренним (не внешним) видом общественных отношений для капитала является производство потребностей, и в первую очередь — производство общественных существ, которым необходимо добывать средства к существованию

>>

посредством рыночных отношений. Роза Люксембург напоминает нам о чрезвычайно важной роли непрекращающейся экспансии капиталистических общественных отношений.

ГЛ: *Насколько важной является концепция экспроприации для понимания марксистской критики политической экономики?*

ВФ: Не принимать во внимание экспроприацию уже невозможно. В то время как в сельской местности продолжается (известная с давних времен) экспроприация земли, население городов становится мишенью новых видов экспроприации. Я называю эти процессы *вторичной экспроприацией*. Такие виды экспроприации не предполагают утрату права собственности на средства производства, такие как земельные участки. В настоящее время вторичная экспроприация происходит двумя путями. Во-первых, последовательно ограничиваются права граждан, включая трудовые права, что во многих случаях ведёт к устранению трудового договора как такового; происходит приватизация государственных предприятий; обширные сферы жизнедеятельности (в особенности образование и здравоохранение) становятся объектами извлечения прибыли. Это напоминает процессы Английской парламентской экспроприации XVI–XVIII веков. Во-вторых, происходит экспроприация (присвоение) природных ресурсов, например, водоёмов и лесов, ранее бывших общественным достоянием и непредставимых в качестве предмета монопольного владения ещё несколько десятков лет назад. И даже условия воспроизведения жизни становятся предметом монопольного владения — примером тому биологические патенты, в том числе относящиеся к генам человека, а также «терминаторные» (ограничивающие дальнейшее размножение растений — прим. пер.) трансгенные семена.

Демонстрация корреляции между концентрацией социальных ресурсов производства и экспроприациями ярко показывает, отчего капитализм не может существовать без труда и извлечения прибыли. Капитализм принимает различные тесно связанные между собой формы возрастающей международной конкуренции, ложащейся грузом на трудящихся, лишённых возможностей противодействия этому на международном уровне. Недостаточно говорить о «финансиализации», как будто бы есть хорошие (промышленные) и плохие (финансовые) капиталисты. Все они действуют заодно почти во всех секторах экономики и опираются на извлечение стоимости, произведённой трудящимися.

ГЛ: *Как вы объясните парламентский переворот, произошедший в Бразилии в 2016 году?*

ВФ: То, что Бразилия является капиталистической страной, доказывают и господствующие общественные отношения (широкомасштабные первичные и вторичные экспроприации и концентрация капитала в сочетании с множеством форм извлечения прибыли), и процесс индустриализации, напрямую связанный с экспансией империалистического капитализма. Бразильская буржуазия играет активную

роль в защите империалистического капитализма. Она извлекает выгоду из устойчивого экономического роста, достигнутого за счёт приватизаций и подпитки капитала денежными средствами правительства Кардозу (БСДП). Следующее правительство, возглавляемое Партией трудящихся (ПТ), также занималось экспроприацией прав, только менее открытой. За эти годы бразильские буржуазные фракции развернули как официальную политическую деятельность (финансовую поддержку избирательных кампаний), так и неофициальную. Через некоммерческие организации они попытались свести на нет все старания трудящихся классов, используя политики кооптации, криминализации и лишения ресурсной базы.

Причиной переворота 2016 г. стал экономический кризис, начавшийся в 2013–2014 гг. и расшатавший сложившуюся ранее ситуацию. Коррупция стала предметом внимания всей страны, что подтолкнуло более слабые буржуазные фракции к взаимным обвинениям. Некоторые бразильские компании превратились в транснациональные, что вызвало повышение напряжённости как внутри страны, так и за рубежом. На их действия внутри страны обратили внимание зарубежные конкуренты. А судебные преследования показали, что необходимы как внутренние, так и внешние перемены. В основе произошедшего объединения господствующих классов лежало усиление и ужесточение безжалостных вторичных экспроприаций в отношении рабочих.

Нынешняя бразильская демократия, подчинённая империалистическому капитализму, изначально была нацелена на усмирение населения и поддержку интернационализации бразильского капитала. Вот почему к обеспечению этого процесса были допущены прокапиталистические левые силы (ПТ). Однако это обострило предвыборную борьбу и увеличило затраты на неё. Некоторые бразильские организации при поддержке своих крайне правых американских собратьев профинансировали мощную антикоммунистическую кампанию по криминализации ПТ, целью которой было не позволить *никаким однозначно левым силам* набрать значительное политическое влияние. Телевещательная монополия привела к одностороннему диктату, сопровождавшемуся применением чрезвычайных мер насилия со стороны полиции и вооружённых сил в отношении непокорных групп населения в целом. Все это происходило по прямой указке буржуазных государственных структур с их системой сдержек и противовесов. Мы наблюдаем ускоряющуюся *конституционализацию* интересов капитала, устраняющую препятствия для экспроприации и грабительских способов извлечения прибыли, включая доходы, получаемые владельцами государственных ценных бумаг (не зависимо от того являются ли они гражданами страны или нет). За соблюдением Конституции строго следят, когда это отвечает интересам капиталистов (бразильских или зарубежных). ■

Корреспонденцию направляйте:
Гильерме Лейте Гонсальвесу <guilherme.leyte@uerj.br>
Виржинии Фонтес <virginia.fontes@gmail.com>

> Власть, насилие и справедливость

Маргарет Абрахам, Университет Хофстра (США), президент МСА, председатель Программного комитета XIX Всемирного социологического конгресса МСА

Конференц-центр Metro Toronto — место, где 15–21 июля пройдёт XIX Всемирный социологический конгресс МСА.

Нелегко себе представить, что от XIX Всемирного социологического конгресса МСА в Канаде, в Торонто нас отделяет всего несколько месяцев. Со времени основания социологии внимание ученых было сосредоточено на власти, насилии и справедливости и их влиянии на общественное устройство. Социальные, экономические и политические проблемы сегодняшнего дня всё более оправдывают повышенное внимание к этим вопросам со стороны социологов. Мы живём в такие времена, которые вынуждают нас вновь рассматривать эту проблематику и относиться к ней еще более серьёзно, чем ранее. Грядущий конгресс с его темой «Власть, насилие и справедливость: осмысление, ответы и ответственность» предоставляет социологам и другим исследователям общества площадку для диалога, дебатов и

выработки подходов к этим ключевым темам, затрагивающим многие аспекты человеческой жизни.

В рамках конгресса запланировано приблизительно 1200 сессий. Мы получили свыше 10000 заявок на участие. Мы ожидаем, что более 5000 участников из всех уголков мира будут присутствовать в Торонто в период с 15 по 21 июля 2018 года, делясь знаниями, обмениваясь идеями, размышляя над проблемами, связанными с темой конгресса. Тема всемирного социологического конгресса МСА затрагивает власть (как политическое, социальное, культурное и экономическое явление) — основную силу, формирующую и изменяющую общество. В списке обсуждаемых предметов отражены вызовы, с которыми мы сталкиваемся, но вместе с тем и наше твёрдое намерение найти способы

>>

разобраться с насилием и несправедливостью, оказывающими воздействие на наш мир.

> Ключевые задачи социологии и общества

Мы знаем, что одной из ключевых задач социологов является критическое изучение социального поведения и общественных институтов. Однако одного понимания, почему всё сложилось так, как есть, недостаточно. Мы также должны применять наши социологические знания, чтобы менять мир в лучшую сторону. Для этого нам необходимо изучать факторы, оказывающие непосредственное влияние на общественное устройство, общественные отношения и социальное поведение, и привлекать общественность к обсуждению ключевых проблем нашего времени. Это неизбежно подразумевает мобилизацию социологии на то, чтобы задавать вопросы власти и власти имущим. Так, например, необходимо исследовать и критиковать историю колониализма и нынешний захват земель; изучать структурные и культурные механизмы, закрепляющие насилие в отношении коренного населения и национальных меньшинств; вновь обращаться к проблематике патриархата и продолжающегося насилия и дискриминации в отношении женщин; изучать насилие, сопутствующее войнам и послевоенным конфликтам, насилие, коренящееся в бедности и расизме, гендерное насилие и насилие, порожденное переплетением различных систем угнетения, а также вынужденную миграцию и выселение — с конечной целью сделать мир более справедливым. В данном контексте «власть», «насилие» и «справедливость» — многозначные термины, охватывающие ключевые проблемы сегодняшнего мира, к которым нам необходимо обратиться, а, следовательно, взятые вместе, они представляют собой актуальную тему для XIX Всемирного социологического конгресса МСА.

Современный мир постоянно сталкивается с насилием, войнами, конфликтами, ненавистью; мы живём во времена, когда существующие социальные системы находятся в состоянии нестабильности, от некогда уважаемых и почитаемых институтов постепенно отказываются, а демократия как таковая переживает кризис. Во многих частях света государство как институт рассматривается в качестве орудия поощрения гипернационализма и ксенофобских настроений. Оно злоупотребляет своей властью, подвергая преследованиям национальные меньшинства и группы инакомыслящих. Мощные олигархические режимы дают волю насилию в отношении менее крупных, неспособных защитить себя стран, а организации, которые должны следить за поддержанием здоровых международных отношений, беспомощно наблюдают за этим или оказываются неспособны изменить что-либо своим вмешательством. Идеалы равноправия превращаются в удобный инструмент для власти имущих, и целые страны разоряют под предлогом «распространения демократии». «Война с терроризмом» служит идеальным оправданием ограничения гражданских прав и свобод. Что это значит для свободы, справедливости и демократии? Насилие, ненависть и злоба, терзающие наш мир, возникают в результате несправедливости и неравенства, порождаемых неолиберальным экономическим устройством, при котором всё внимание уделяется исключительно рынку и извлечению прибыли. Кроме того, во всех странах мощь государственных машин постоянно используется для того, чтобы сохранять гегемонию властных элит и поддерживать существующее положение дел. Ни господство государства, ни могущество рынка не сделали мир лучше. И в этом полном жестокости и раздоров мире наша обязанность как социологов — исследовать и подвергать критике те господствующие институты, убеждения, идеологии и практики, которые, как мы полагаем, усиливают неравенство и обостряют несправедливость.

Однако на фоне этой мрачной картины есть силы, вселяющие надежду на лучшее будущее. Речь идет о группах, общественных движениях, гуманитарных интервенциях и процессах мирного урегулирования, которые стремятся расширить права и возможности населения, снизить уровень насилия и поддерживать справедливость ненасильственными методами. Протестные движения, сосредоточенные на противодействии тирании, разрыву между привилегированной частью общества и всеми остальными, ущербу, наносимому окружающей среде, безработице и другим проявлениям несправедливости бросают вызов представителям власти. Однако когда сопротивление прекращается или такие движения лишаются поддержки, необходимой для совершения институциональных преобразований, практически неизбежно происходит возвращение властных элит и прежнего порядка вещей, зачастую сопровождающееся усилением репрессий. Динамика гражданских протестов — невеселое напоминание о том, что деятельное стремление к социальной справедливости есть бесконечное и зачастую заставляющее сомневаться в собственных силах занятие. Но мы не должны сдаваться! Вынося на обсуждение вопросы, от которых зависит общее благо, Конгресс МСА действует в интересах гражданского общества.

Тема Конгресса подчёркивает, что сегодня мы, социологи, не можем позволить себе оставаться безучастными к конфликтам современности. Оставаясь в стороне от происходящего, мы рискуем оказаться ненужными гражданскому обществу, главной стороне, заинтересованной в развитии социологического знания. Это в свою очередь значит, что от нас требуется смелая, учитывающая положение дел в глобальном масштабе, доступная для широкой публики социология, активно и своевременно обращающаяся к сложным вопросам, актуальным для нашего весьма беспокойного мира. Столь крупное собрание социологов, коллег-учёных, занимающихся другими общественными науками, журналистов и активистов не может игнорировать бурные политические, экономические и общественные течения, оказывающие воздействие на состояние гражданского общества. Вопросы насилия и социальной справедливости, поднимаемые в связи с неравенством, этноцентризмом, гипернационализмом, ксенофобией и нарушением прав человека, непременно станут предметом наших обсуждений.

Социология связывает воедино данные других социальных дисциплин и таким образом оказывается в уникальном положении, позволяющем внести значимый и значительный вклад в дело поиска решений самых насущных задач, стоящих перед обществом. Проблематика Конгресса — власть, насилие и справедливость — важна для различных наук: политологии, экономики, антропологии, психологии и истории. Все они позволяют увидеть наш мир с разных точек зрения и выступают в качестве чрезвычайно важных союзников в непрекращающейся борьбе за социальную справедливость. XIX Всемирный социологический конгресс МСА, поддерживающий общемировое стремление к получению и распространению знаний и коллективным действиям, ведущим к общественным преобразованиям, станет площадкой, где социологи и представители других социальных наук смогут поделиться соображениями на все темы, обсуждение которых предполагается в рамках множества разнообразных тематических сессий. Я жду встречи с вами в Торонто! Надеюсь, что вместе мы придём к лучшему пониманию сложных социальных, экономических и политических проблем, стоящих перед нашим многострадальным миром, и отыщем действенные способы противостоять силам, творящим насилие и ниспровергающим равенство и справедливость. ■

Корреспонденцию направляйте Маргарет Абрахам
<Margaret.Abraham@Hofstra.edu>

> Канадская СОЦИОЛОГИЯ

и Всемирный конгресс

Рима Уилкс, Университет Британской Колумбии, президент Канадской социологической ассоциации, координатор программ ИК МСА по методологии и логике (ИК33), член Местного организационного комитета XIX Всемирного социологического конгресса МСА

CSA

Canadian Sociological Association
La Société canadienne de sociologie

SCS

Committing Sociology
Since 1964

www.csa-scs.ca

Канадские социологи и члены Канадской социологической ассоциации (<http://www.csa-scs.ca/>) будут радушными хозяевами XIX Всемирного Социологического Конгресса. Конгресс будет проходить в Торонто, в провинции Онтарио, с 15 июля по 21 июля 2018 года. Таким образом, участники этого мероприятия встретятся на территории проживания народов анишинаабе, вендат и конфедерации ходинонхсони, заключивших соглашение о мирном сосуществовании и защите земель в районе Великих озёр и территории миссиссогов из резервации Нью-Кредитна (*Dish With One Spoon Wampum Belt Covenant*).

Поскольку практика признания территориальных прав все чаще является частью проходящих в Канаде публичных мероприятий, следует рассказать о ней подробнее. В число факторов, способствующих официальному признанию территориальных прав коренных народов, входит многолетняя активистская

Канадские социологи с нетерпением ожидают приезда учёных со всего мира.

>>

деятельность представителей этих групп и относительно недавний всплеск внимания к этой проблеме, вызванный результатами работы Комиссии правды и примирения относительно мест проживания, действовавшей в период с 2008 по 2015 гг. Хотя официальное признание не является панацеей для нанесенного ущерба, вопросы, поднимаемые благодаря этой практике, весьма соответствуют теме Всемирного Социологического Конгресса — «Власть, насилие и справедливость: осмысление, ответы и ответственность». В канадских реалиях официальное признание зачастую является выражением признательности и благодарности, а также демонстрирует уважение к истории земель и проживающих на них народов. Признание — это также политическая практика, суровое напоминание (прежде всего адресованное представителям некоренного населения) о поселенческом колониализме, о договорных обязательствах и о фактах их нарушения канадским государством.

Всемирный Конгресс МСА предоставит уникальную возможность узнать о практиках признания и принять участие в их обсуждении совместно с тысячами учёных со всего мира. Многие социологи впервые примут участие в Конгрессе, а для других опыт участия в МСА исчисляется не одним десятком лет. Профессиональная солидарность социологов подтверждается такими событиями, как Конгресс, на котором могут воочию встретиться многие члены МСА.

Конгресс также предоставляет канадским социологам возможность наладить связи с миром. Среди множества достоинств канадской социологии — непод-

дельная приверженность теоретическому и методологическому плюрализму. Канадские социологи, как и их коллеги из других стран, открыты для непрерывно меняющейся объективной реальности с присущим ей разнообразием. Члены Канадской социологической ассоциации (их около тысячи) представляют более двадцати восьми исследовательских кластеров, занятых в самых различных сферах от прикладной социологии до социальной теории отношений, социологии науки, технологий и познания. Наиболее значимые работы публикуются в «Канадском социологическом обозрении» (*Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie*, <https://www.csa-scs.ca/canadian-review/>), ведущем журнале Канадской социологической ассоциации.

Читая публикации и участвуя в публичных мероприятиях, организованных МСА, вы удостоверитесь, что канадские социологи активно изучают проблемы социальной справедливости, стремятся к внесению практического вклада в актуальную политическую повестку дня и продвижению публичной роли социальной науки. Тем не менее, совершенно ясно, что нам предстоит ещё много работы. Всемирный Конгресс предоставит социологам всего мира возможность глубже изучить сходства и различия нашего опыта и разнообразия откликов на проявления власти, насилия и несправедливости. Мы с нетерпением ждём вашего прибытия летом этого года! ■

Корреспонденцию направляйте Риме Уилкс <wilkesr@mail.ubc.ca>

> Возможность быть социологом: встреча в Канаде

Патриция Албанезе, Университет Райерсона, Канада; председатель Местного организационного комитета XIX Всемирного Социологического Конгресса МСА

Канада отметила своё 150-летие 1 июля 2017 г. а протяжении всего года гражданам страны предлагалось активно радоваться тому, что они канадцы и живут в стране, которая считается одной из лучших в мире по многим показателям — ВВП, уровню грамотности населения, доле работающих женщин, доле получающих высшее образование граждан. Однако несмотря на многие достижения, которые мы, несомненно, приветствуем, существует множество проблем и моментов, заслуживающих критики.

> Парадокс Канады

Невозможно отрицать совокупность всех достижений Канады и её репутацию в мировом сообществе. Они внушают гордость, если, конечно, вы не переселились в страну совсем недавно, если вы не инвалид, не представитель коренного населения, не мать, в одиночку растящая детей, не относитесь к расиализированной группе, не живёте на севере Канады, не тянете на себе домашнее хозяйство, с трудом пытаетесь совместить несколько подработок, чтобы свести концы с концами и прокормить семью. В подобном случае вашу жизнь скорее описывают такие слова, как дискриминация, бедность и выживание.

Если рассмотреть вместе пять статей этого выпуска «Глобального диалога», написанных канадскими социолога-

ми, то Канада предстанет перед нами как парадокс. Так, например, наш коллега Кэри Ву отмечает, что в Канаде распространена «высокая степень доверия» в отношении других людей, однако Митчелл МакАйвор напоминает нам о существовании значительного неравенства и крупных долгов, в которые студентам приходится влезать для оплаты обучения. В этой стране, как демонстрирует Элиз Майолино, выбор народа приводит к власти молодого и формально считающегося прогрессивным Джастином Трюдо. Однако претендующей на пост мэра (в Торонто, одном из наиболее многонациональных городов Канады) представительнице национального меньшинства Оливии Чау по-прежнему приходится выстраивать свою идентичность иначе, нежели её соперникам — белым мужчинам. Мы постоянно пытаемся проводить различия между нами и США, но, как отмечают Франсуа Лашапель и Патрик Джон Бёрнетт, мы обучаемся и работаем в университетах, где всё ещё властвует американский академический капитал. Статья Микки Вэлли выразительно изображает красоты канадской природы, но вместе с тем напоминает о вымирающих видах животных и больших нагрузках на окружающую среду.

У Канады есть сильные стороны, но жизнь многих её граждан опутана липкой паутиной несправедливостей. Канадская социология, несмотря на свои недостатки, постоянно предпринимала попытки выявить разные формы несправедливости. Эти усилия не прошли неза-

>>

меченными для бывшего премьер-министра Канады (от консервативной партии) Стивена Харпера.

> Отношение к социологии в Канаде и не только

В 2013 году, отвечая на вопросы журналистов после того, как был предотвращён теракт в поезде, Стивен Харпер, занимавший тогда пост премьер-министра Канады, заявил, что «сейчас не время заниматься социологией». Сходным образом осенью 2017 года председатель Верховного суда США Джон Робертс бросил перчатку в лицо всей социологической науке, когда отмахнулся от аргумента исследователей, назвав его «социологической тарабарщиной». Подобные нападки неудивительны, если принять во внимание тот факт, что мы, социологи, подвергаем сомнению авторитет властей, занимаясь вопросами неравенства, насилия и (не)справедливости.

В ответ на реплику Харпера о том, что «сейчас не время заниматься социологией», мы, со всем уважением, выражаем категорическое несогласие! Оно особенно актуально теперь, когда социально-политическая и экологическая нестабильность приобрела планетарный масштаб. Мы, международная социологическая ассоциация (МСА) и Канадская социологическая ассоциация (КСА) считаем, что сейчас подходящий момент, чтобы обсудить эти тенденции в глобальном масштабе, и приглашаем вас и тысячи других посетителей и участников на XIX Всемирный социологический конгресс МСА, который пройдёт в Торонто в июле 2018 года.

Тема XIX Всемирного Социологического Конгресса МСА, сформулированная президентом МСА доктором Маргарет Абрахам, звучит так: «Власть, насилие и справедливость: осмысление, ответы и ответственность». Конгресс готов стать для социологов всего мира трибуной для призыва к действию и площадкой для обсуждения путей, ведущих к переменам в эти особенно беспокойные времена. Конгресс предоставляет активистам и учёным со всего мира возможность наладить связи и поделиться исследовательскими данными, теориями, рекомендациями по вопросам политики и опытом действий в социальной сфере.

> Канадская социология на XIX Всемирном Конгрессе МСА

XIX Всемирный конгресс МСА также предоставляет канадским социологам уникальную возможность, выступая в качестве принимающей стороны, продемонстрировать достижения наших учёных, в том числе в рамках международных проектов. Кроме того, что в Конгрессе будут активно участвовать сотни канадских социологов, МСА также предоставила четыре крупных тематических

сессии для Канадской социологической ассоциации. Содержание сессий стало результатом конкурса, проведенного среди канадских социологов. Критериями отбора послужили актуальность заявляемой исследовательской проблематики, ее социальная и историческая значимость и фокус на канадском обществе в целом. На сессиях будут представлены исследования более двадцати маститых и молодых канадских учёных, которые, как нам кажется, достойно представят канадскую социологию. Приглашаем вас посетить одну или несколько сессий Канадской тематической программы. Вот темы, которые мы сформулировали:

- Что может рассказать социология о переселении в Канаду беженцев детского и юношеского возраста?
- Формирование государством социальных движений.
- Канадская социология в беспокойные времена: размышляем о прошлом / смотрим в будущее.
- Пропавшие без вести и убитые представительницы коренного населения в Канаде: чем может помочь социология?

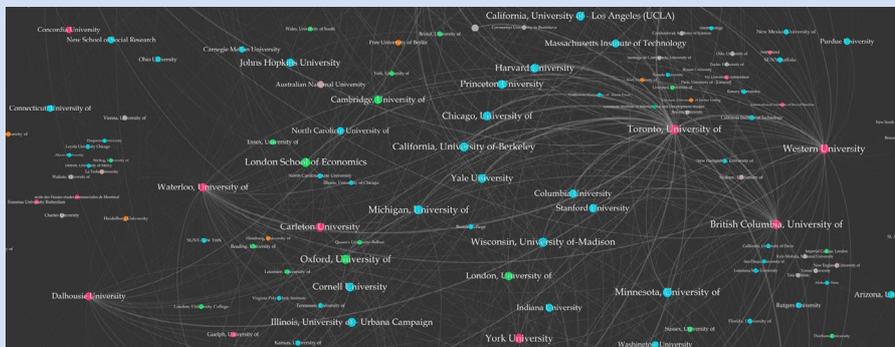
В состав Местного оргкомитета Конгресса входят руководительница КСА Шерри Фокс, д-р Джим Конли (Университет Трента), д-р Эви Тастоглу (Университет Св. Марии), Маргарет Банцеж (аспирантка Университета Райерсона), д-р Марк Стоддарт (Мемориальный университет Ньюфаундленда), д-р Саймон Ланглюа (Университет Лавалля), д-р Сьюзан Макдэниэл (Летбриджский университет), д-р Рима Уилкс (Университет Британской Колумбии) и д-р Мирна Доусон (Гуэлфский университет). Оргкомитет считает важным обратить внимание публики на проблематику власти, насилия и несправедливости в жизни коренных народов нашей страны. Мы постарались отобразить эту тему в логотипе Всемирного Конгресса, созданном художницей Лидией Принс, представительницей коренного населения Канады. Всемирный Конгресс предоставляет важную площадку для того, чтобы привлечь внимание к работе канадских учёных и активистов, прокладывая путь к урегулированию разногласий и лучшему будущему.

XIX Всемирный Конгресс МСА даёт возможность собраться для того, чтобы вместе обсудить идеи и ответы, связанные с феноменами насилия, несправедливости и исключения. Конгресс — это время для дискуссий, мозговых штурмов, установления новых связей и планирования следующих шагов на пути к более справедливому общественному устройству. Конгресс — это время осмысления и обсуждения того, кто мы есть и чем занимаемся как социологи. Присоединяйтесь к нам! Мы с нетерпением ждём вас в Торонто в июле. ■

Корреспонденцию направляйте Патриции Албанезе <palbanes@soc.ryerson.ca>

> Канадские университеты: между национальным и глобальным

Франсуа Лашапел и Патрик Джон Бёрнетт, Университет Британской Колумбии, Канада

Сети международного обмена учёными со степенью PhD. Подробнее: <http://www.relational-academia.ca/canada-network.html>. Иллюстрация проекта Relational-Academia («Научный мир через призму относительности»).

В последние несколько лет ведущие исследовательские университеты Канады оказываются на верхних строчках мировых рейтингов благодаря ориентации на международное сотрудничество. Лучшие вузы страны публично объявляют о намерении трудоустроить высококвалифицированных специалистов со всего мира. После недавних событий в США и Великобритании, которые привели к политической нестабильности этих стран, канадские университеты дружелюбно встречают эмигрантов, спасающихся от Трампа и Брексита. Таким образом, вузы продолжают завоёвывать мировую репутацию и стремиться к совершенству.

Проект *Relational Academia* («Научный мир через призму относительности», www.relational-academia.ca) исследует то, как менялся смысл понятия «хороший университет» в Канаде в период с конца 1960-х до наших дней. С конца 1960-х вплоть до середины 1990-х Канада переживала подъём национализма в связи с предпологаемым американским господством в стране. В этот период «хорошим университетом» считался тот, который нанимал преподавателей с канадским гражданством и предлагал курсы со специфически канадским содержанием, таким образом заботясь об экономическом, моральном и гражданском благополучии граждан Канады (см., напр., «Движение канадизации», *Canadianization Movement*). В противоположность этому, в последние двадцать лет понятие «хороший университет» стало обозначать нечто иное. Теперь качество университета определяется уровнем международной вовлечённости студентов, работников, преподавателей и выпускников, степенью международным присутствием и мирового престижа. Чтобы зафиксировать переход от национального к глобальному, мы собрали информацию об образовании 4 934 социальных учёных, которые в период с 1977 по 2017 гг. работали в пятнадцати ведущих канадских университетах, ориентированных на исследовательскую деятельность (группа U15).

Мы изучили национальное происхождение докторских степеней преподавателей, работающих в университетах группы U15. Наши результаты показывают, что за последние 40 лет значительно выросла доля канадских выпускников среди работников англоязычных вузов нижнего и среднего звена, принадлежащих к группе U15. Таким образом, происходит канадизация (или деамериканизация) корпуса

преподавателей социальных наук. Однако в то же время в Университетах Торонто, Макгилла и Британской Колумбии по-прежнему преобладают преподаватели, получившие докторскую степень в США (более 70%). Более 90% всех преподавателей, работавших в университетах группы U15 в период с 1997 по 2017 г., получили степень PhD в одной из трёх англоязычных стран: в Канаде, США или Великобритании. При этом лишь 19 степеней (менее 0,5%) было получено в университетах Глобального Юга; лидирующую позицию здесь заняли университеты бывших британских колоний: ЮАР (6 степеней) и Индии (4 степени).

По всей видимости, исследовательские университеты Глобального Севера меняют политико-экономический курс, стремясь увеличить количество международных студентов. Однако можем ли мы говорить о том, что штат преподавателей университетов группы U15 также является «международным»? Данные о странах, в которых преподаватели получили свою первую учёную степень, показывают, что за последние двадцать лет доля научных работников университетов высшего звена, получивших степень бакалавра в вузах неанглоамериканских стран, удвоилась с 9% до 18%. В 2017 г. вторые 9% составляли преподаватели родом из 34 стран Глобального Юга, получившие степень PhD в одном из американских университетов.

В наиболее престижных канадских университетах интернационализация принимает одну из двух форм: либо прямой американизации, либо интернационализации при посредничестве США. Наше исследование демонстрирует центральную роль Америки в процессе асимметричной глобальной циркуляции знаний, студентов и учёных. Однако, что более важно в национальном контексте, обнаруживается *подчинённо-доминирующее* положение канадских университетов. Данная ситуация предполагает *доминирование* английского языка в глобальной сфере социальных наук, однако в то же время канадские вузы находятся в *подчинённом* положении с национальной точки зрения, поскольку господствующую роль по-прежнему играет американский научный капитал. ■

Корреспонденцию направляйте:
Франсуа Лашапелю <f.lachapelle@alumni.ubc.ca>
Патрику Джону Бёрнетту <pjb@sociologix.ca>

> Влияние студенческого займа на жизнь недавних выпускников в Канаде

Митчелл МакАйвор, Университет Торонто, Канада

«Студенческий долг разрушил мою жизнь!»

Фото: Квинн Домбровски, 2017,

<https://www.flickr.com/photos/quinnanya/37230366906>

Лицензия CC BY-SA 2.0.

Во многих странах высшее образование стало синонимом успеха на рынке труда и считается лучшим механизмом уравнивания шансов индивидуальной восходящей мобильности. В то время как высшее образование остаётся важным фактором обеспечения достатка, рост цен на образование ведёт к экспоненциальному увеличению студенческого займа. Данной тенденции посвящено множество исследований, однако учёные ещё не успели рассмотреть, как задолженность влияет на жизнь новых выпускников после окончания университета. В частности, ответа требует следующий вопрос: как студенческий долг сказывается на выходе выпускников на рынок труда? В своей диссертации я изучаю, насколько социально-экономическое положение студентов помогает сгладить эффект студенческой задолженности. Моё исследование основано на данных канадских национальных репрезентативных опросов, проведённых в 2013 г. среди молодых специалистов, окончивших университет в 2010 г.

Студенты в первом поколении, чьи родители не имели высшего образования, находятся в невыгодном положении с точки зрения финансового, социального и культурного капитала по сравнению со студентами во втором поколении. У студентов в первом поколении меньше социальных связей, позволяющих найти подходящую работу после окончания вуза. Они реже умеют правильно составлять резюме и ориентироваться в университетской научной среде. Кроме того, семья обеспечивает им меньшую финансовую поддержку, что приводит к большей зависимости от студенческого займа. Поэтому неудивительно, что негативный эффект студен-

ческой задолженности при выходе на рынок труда гораздо сильнее сказывается на студентах в первом поколении. Используя глубинный регрессионный анализ, я обнаружил связь между высоким уровнем студенческой задолженности и следующими утверждениями выпускников в первом поколении: им не терпится скорее устроиться на желаемую работу после вуза; нынешняя работа не оправдывает их надежд; для трудоустройства им пришлось переехать в другой город или другую страну. Более того, студенты в первом поколении, имеющие студенческий долг, по сравнению со студентами во втором поколении чаще устраиваются на временную работу и сменили больше работодателей в течение трёх лет с момента окончания университета. Как правило, их работа предполагает меньший социальный пакет, а их заработная плата в среднем ниже, чем у выпускников во втором поколении — как на второй, так и на третий год после выпуска. Соответственно, выпускники в первом поколении с большим трудом находят работу после вуза и находятся в более прекарном положении на рынке труда. Поэтому неудивительно, что, согласно моим данным, выплачивающие долг выпускники в первом поколении менее удовлетворены работой и жизнью, чем те выпускники в первом поколении, которые не брали заём, и чем выпускники во втором поколении как с задолженностью, так и без неё. Кроме того, представители указанной уязвимой группы гораздо реже утверждают, что вновь сделали бы выбор в пользу высшего образования, если бы вернулись в прошлое. Результаты исследования имеют серьёзное значение для восприятия университета как механизма уравнивания шансов социального продвижения.

Исследование показало, что студенческие займы для получения доступа к высшему образованию лишь обостряют неравенство и сводят на нет уравнивающий эффект университета. Студенческий долг порождает чувство отчаяния у студентов в первом поколении при поиске работы, в результате чего среди этой группы наблюдается более высокий уровень прекаритета, что, в свою очередь, приводит к снижению качеству занятости и более низкому уровню дохода. Особенно тревожным представляется тот факт, что студенты в первом поколении, выплачивающие долг, говорят, что если бы у них была возможность вернуться во времени, то они не стали бы получать то же образование. Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что данное исследование говорит в пользу государственной политики отказа от предоставления студенческих займов и перехода к предоставлению грантов или снижению стоимости обучения для малоимущих студентов. ■

Корреспонденцию направляйте Митчеллу МакАйвору
<mitchell.mcivor@mail.utoronto.ca>

> Как стать учёным-гражданином

Микки Вэлли, Университет Атабаски, Канада

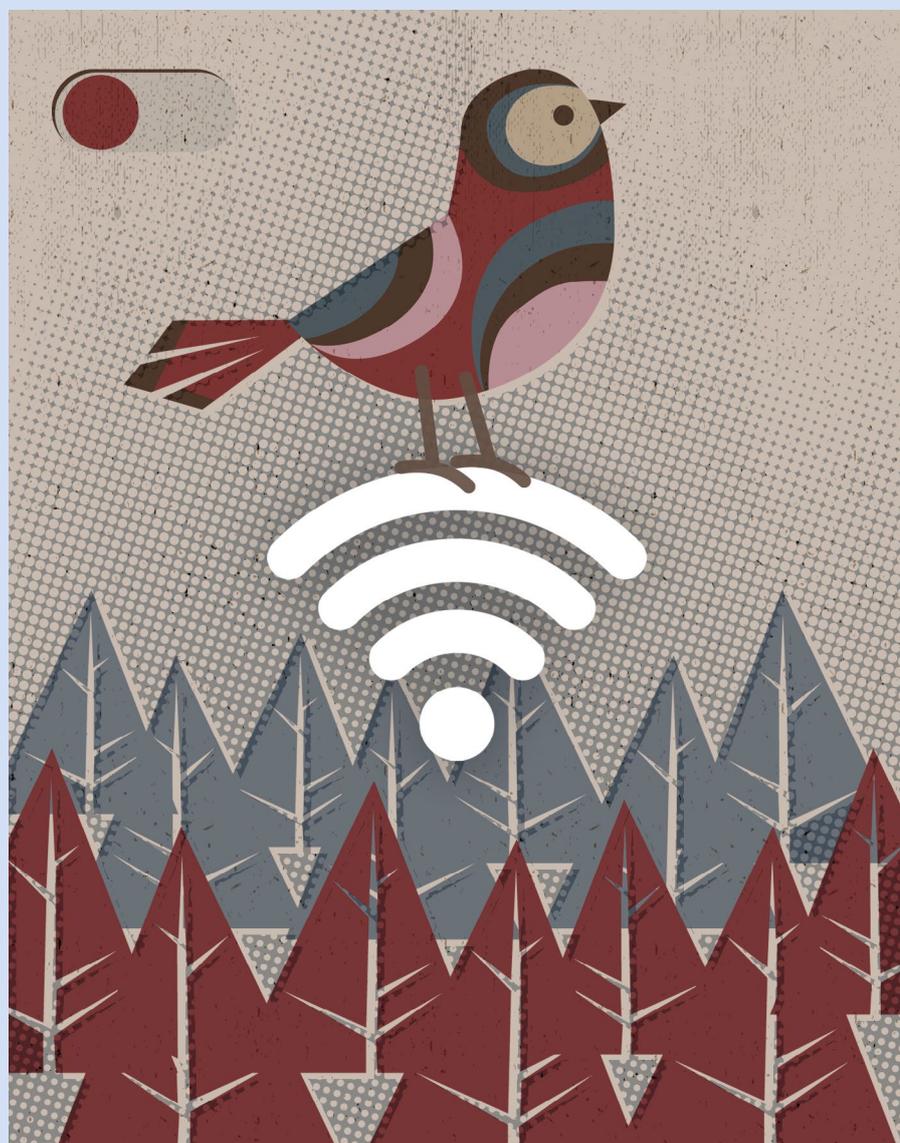

Иллюстрация Арбу.

Когда я захожу в творческий тупик, я отправляюсь за город. Я живу в удаленном от столицы регионе Канады, в пешей доступности от ручьёв, рек, гор и дикой природы. Гуляя по лесу, я люблю слушать пение птиц. Голоса красноплечих желтушников, козодоев, воронов, ворон, жёлтых древесниц пронизывают лес, при этом сами птицы редко показываются на глаза. Чтобы записывать во время своей прогулки птичье пение, я загрузил на iPhone приложение *Song Sleuth* («Искатель песен»), которое фиксирует и автоматически распознаёт звуки, издаваемые птицами. Автор приложения — компания *Wildlife Acoustics* с головным офисом в Бостоне, штат Массачусетс. С помощью этого приложения я могу записывать птичьи голоса, опознавать по ним птиц и отправлять записанные звуки (вместе с GPS-координатами места) по электронной почте или мессенджеру. Таким образом, я могу сделать свой глубоко личный материализованный

опыт частью глобальной сети, которая объединяет профессиональных исследователей в области биоакустики и просто любителей птичьего пения, подобных мне.

В основе приложения лежит неслужная биоакустическая технология, которая была разработана для раннего обнаружения нуждающихся в охране видов фауны. Регистрация услышанных птичьих песен в сети облегчает задачу, которой занимаются учёные во всём мире: создание комплексной картины популяций птиц, которые находятся под угрозой вымирания, маршрутов их миграции и особенностей их брачного поведения. Таким образом, вы можете непосредственно оказать долгосрочное влияние на научные исследования, просто послушав птиц в тишине и относясь со вниманием к окружающим вас звукам.

В университетские и профессиональные научно-исследовательские группы по биоакустике входит множество исследователей, работающих на гранты. Они собирают данные, анализируют их и распространяют результаты своей работы. Однако теперь ключевую роль в глобальном расширении деятельности исследовательских групп играют учёные с выраженной гражданской позицией – такие же, как я, любители,

в часы досуга загружающие данные в интернет. Многие группы исследователей – например, сотрудники медиатеки Маколей Корнельского университета – в своей работе значительно полагаются на научные данные, создаваемые гражданами. Они утверждают, что сейчас получают как никогда много данных, добровольно отправленных общественностью.

Помимо того, что *гражданские учёные* (citizen scientists) помогают науке, они занимаются полезной для здоровья деятельностью. Прогулки на природе дают им исключительную возможность видеть, слышать и записывать живых существ, чья жизнь находится под угрозой и чьё существование не всегда заметно для нас. Дети, участвуя в таких исследованиях, получают опыт тесного общения с природой, а взрослые посвящают больше свободного времени физической активности. Таким образом, гражданская наука способствует активному образу жизни.

Кроме того, что гражданская наука полезна для здоровья, она, по мнению исследователей, привлекает внимание людей к проблемам окружающей среды. Другие исследователи полагают, что высокий уровень экологического сознания, несомненно, стал бы идеальным

результатом осознанно гражданской научной деятельности; однако, что парадоксально, уровень экологического сознания необычайно трудно измерить. Тем не менее, ряд научных исследований доказывает, что звуковые методы опытного познания, такие как биоакустика, напрямую связаны с осмыслением окружающего пространства. Поэтому включение граждан в биоакустические научные исследования представляет собой практичный и экономный способ вовлечения глобального и локального населения в систему, которая содействует развитию пространственного (а значит, и экологического) сознания.

Могут ли наши прогулки на природе остановить потерю мирового биоразнообразия? Отдаём ли мы себе отчёт, какую информацию могут содержать наши смартфоны и как мы можем делиться ею? Или наше беспринципное отношение к живым существам не позволит нам взять на себя такую ответственность? Исследования, о которых я написал, – одна из множества новых возможностей использования нашего социологического воображения в повседневной жизни. Она может помочь нам претворить в жизнь изменения на перекрёстках биографии, истории, социальной структуры и технологий. ■

Корреспонденцию направляйте Микки Вэлли
<mjvallee@gmail.com>

> Работа с идентичностью и политические лидеры Канады

Элиз Майолино, Университет Торонто, Канада

В последние пять лет политический климат даёт благодатную почву для изучения политики идентичности, которую проводят кандидаты на канадские выборные должности. На протяжении этого периода три самых видных политических деятеля Канады, участвуя в выборах на высшие политические должности, разыгрывали предвыборные сценарии, которые предполагали многостороннее обсуждение публичных идентичностей кандидатов. Хотя социологам уже хорошо знакома подобная динамика, учёные Канады и других стран смогли вынести новые идеи из новых масштабных политических кампаний идентичности.

Будучи кандидатом в премьер-министры Канады, Джастин Трюдо участвовал не только в политической борьбе. За несколько месяцев до вступления на пост главы Либеральной партии Канады он провёл боксерский матч с сенатором Консервативной партии Канады. Это соревнование было испытанием маскулинности. Я провела дискурсивный анализ 222 газетных статей об этом событии. Согласно моему исследованию, победив на ринге, Джастин Трюдо перешёл из категории *сомнительной маскулинности* в категорию *достаточной маскулинности*. В результате произошла трансформация общественного впечатления о пригодности Трюдо на роль лидера. Случай Трюдо отсылает к концепции *восстанавливающих гендерных стратегий* и является примером работы политических лидеров по укреплению своей публичной гендерной идентичности.

Через год после того, как Трюдо продемонстрировал свою брутальность и мужественность, Кэтрин Уинн публично задала жителям штата Онтарио вопрос, готовы ли они к премьер-министру гомосексуальной ориентации. Уинн вошла в историю как первая женщина – премьер-министр Онтарио, открыто причисляющая себя к лесбиянкам. Моё исследование, основанное на интервью с государственными деятелями и организаторами общественных движений феминистских и ЛГБТК+ сообществ, показывает, что даже беспрецедентный прорыв на политическую передовую не гарантирует, что идентичность и высказывания политического деятеля обеспечат ему народную поддержку. Я прихожу к выводу, что

участники общественных движений дают определённую оценку сигналам, исходящим от политических деятелей и демонстрирующих их убеждения и приверженность определённым идеалам. В основе такой оценки лежит идентичность политических деятелей, их публичные высказывания и поступки. В этом утверждении я опираюсь на концепцию *типологии слов и поступков*.

В то время как премьер-министр Уинн пробилась через свой собственный стеклянный потолок, Оливия Чау, политик-прогрессист со стажем, потерпела несколько неожиданное, но очевидное поражение в гонке за пост мэра Торонто. В случае победы Чау стала бы первой женщиной из расового меньшинства, ставшей во главе руководства крупнейшего города Канады. Покинув депутатское кресло в Федеральном Парламенте чтобы участвовать в выборах на должность мэра Торонто, Чау бросила вызов консервативной линии бывшего мэра Роба Форда. В ходе предвыборной кампании она столкнулась со значительными препятствиями, открытым расизмом и сексизмом. Включённое наблюдение двадцати дебатов между кандидатами в мэры легло в основу моего исследования, которое показало, насколько важна работа с идентичностью кандидата в ходе избирательной кампании. Чау, принадлежащая к меньшинству, была вынуждена прибегать к другим методам демонстрации и мобилизации собственной идентичности, которые отличались от методов, используемых её оппонентами – белыми мужчинами.

Разнообразие идентичностей кандидатов, а также растущая политическая и общественная рефлексия в отношении личного разнообразия породили множество способов публичной демонстрации идентичности, которые могут оказать влияние на процесс управления и результаты избирательных кампаний. В своих исследованиях я показываю, какие преграды встанут перед кандидатами на высокие политические должности, а также стараюсь выявить сценарии локальных акторов, стремящихся превратить эти преграды в перспективные возможности. ■

Корреспонденцию направляйте Элиз Майолино <elise.maiolino@mail.utoronto.ca>

> Растёт ли уровень доверия среди иммигрантов в Канаде?

Кэри Ву, Университет Британской Колумбии, Канада

Доверие среди иммигрантов и коренных жителей Канады

(Канадский Общий социальный опрос (CGSS) 2013 г., N=25 686, средневзвешенные процентные показатели)

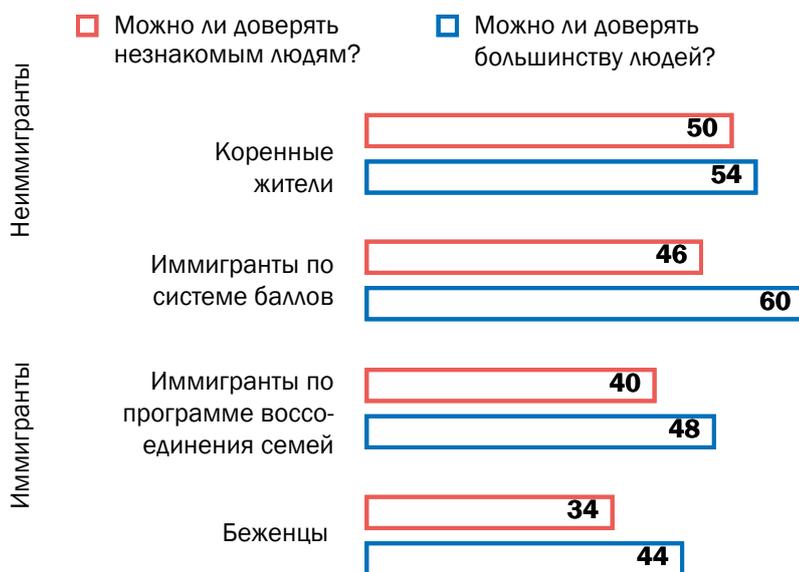

Иллюстрация 1.

Доверие — это отражение того, как человек воспринимает доброжелательность и дружелюбие со стороны окружающих. Доверие людей друг к другу является не только неотъемлемой составляющей личного благополучия, но и важным фактором социальной сплочённости, экономического роста и демократии. Вопрос доверия особенно важен для иммигрантов и для обществ, в которых существуют большие группы уроженцев других государств, так как доверие является ключевым моментом социальной интеграции.

Канада — страна со сравнительно высоким уровнем доверия. По данным Статистической службы Канады и Общего социального опроса (*General Social Survey, GSS*) за 2003, 2008 и 2013 гг., более половины ка-

надцев считают, что «большинству людей можно доверять». В то же время, согласно данным Всемирного исследования ценностей (*World Value Survey*) за 2010–2014 гг., лишь 37% мирового населения считает так же.

Кроме того, Канада — страна иммигрантов. Примерно одну пятую населения, или 21%, составляют уроженцы других стран. Канадская система отбора кандидатов на иммиграцию включает в себя систему баллов, которая позволяет выделить заявителей с высоким уровнем межличностного доверия. Несмотря на это, многие из тех, кто иммигрирует по программам помощи беженцам или воссоединения семей, как правило, отличаются более низким уровнем доверия, чем уроженцы Канады (см. илл. 1).

Илл. 2А, 2В: Прогнозирование разрыва в уровне доверия (коэффициент отношения шансов) между иммигрировавшими в детском/юношеском и во взрослом возрасте

(Общий социальный опрос (GSS) 2014 г.; взвешенные данные, бутстрэп-выборка)

Иллюстрации 2А, 2В.

Сформулируем исследовательский вопрос: если иммигранты приезжают в Канаду, имея низкий уровень межличностного доверия, становится ли он выше с годами жизни в стране, где население в среднем более склонно доверять друг другу? Существует два теоретических подхода, объясняющих, чем может быть обусловлен уровень межличностного доверия. Исследователи, придерживающиеся культурного подхода, полагают, что человек научается доверять другим в ходе первичной социализации, в детстве, и этот выученный уровень незначительно меняется на протяжении жизни. Исследователи, опирающиеся в своих аргументах на категорию личного опыта, утверждают, что человек принимает решения, связанные с доверием, основываясь на личном социальном опыте, а следовательно, уровень доверия меняется в зависимости от конкретной социальной ситуации. Дискуссия между этими двумя подходами вращается вокруг следующих вопросов: когда человек научается доверять другим? Меняется ли уровень доверия от ситуации к ситуации?

Соответственно, чтобы определить, влияет ли канадская культура высокого доверия на иммигрантов, необходимо провести различие между иммигрантами, приехавшими в страну взрослыми людьми, и иммигрантами – детьми и подростками, которые всё ещё находятся в процессе первичной социализации. Если межличностное доверие – это культурный фактор, то следует ожидать более высокого уровня доверия у тех, кто иммигрировал в юном возрасте и социализировался в условиях канадской культуры высокого доверия. Соответственно, те, кто имми-

грировал в более старшем возрасте и уже прошёл первичную социализацию вне Канады, имеют более низкий уровень доверия, соответствующий культурным особенностям страны происхождения. Если же межличностное доверие основано на личном опыте, то стоит ожидать, что канадский опыт так же отразится на иммигранте, как и опыт, полученный им в стране происхождения, вне зависимости от возраста иммиграции. Следовательно, согласно «опытному» подходу, разрыва между уровнями доверия иммигрантов и коренных канадцев может и не существовать.

Я проанализировал данные опроса GSS (*General Social Survey*), проведённого Статистической службой Канады в 2014 г.. Анализ показал, что иммигранты, приехавшие в Канаду в возрасте до 15 лет, на 70% более склонны доверять соседям по району и на 50% – незнакомым людям, чем те, кто иммигрировал в возрасте 15 лет и старше (с поправкой на другие демографические факторы; см. илл. 2А, 2В).

В целом, судя по этому значительному разрыву, канадская культура высокого доверия благоприятно воздействует на уровень доверия у иммигрантов, однако это воздействие распространяется лишь на детей и подростков, иммигрировавших в период первичной социализации. Соответственно, общий результат решительно поддерживает культурную теорию доверия. ■

Корреспонденцию направляйте Кэри Ву <carywooruc@gmail.com>

> Интерсекциональность автохтонность, гендер и насилие

Мэгги Уолтер, заместитель проректора по аборигенным исследованиям и лидерству, Университет Тасмании, **Джослинн Балтра-Уллоа**, Университет Тасмании, **Джейкоб Прен**, офис заместителя проректора по аборигенным исследованиям и лидерству, Университет Тасмании, Австралия

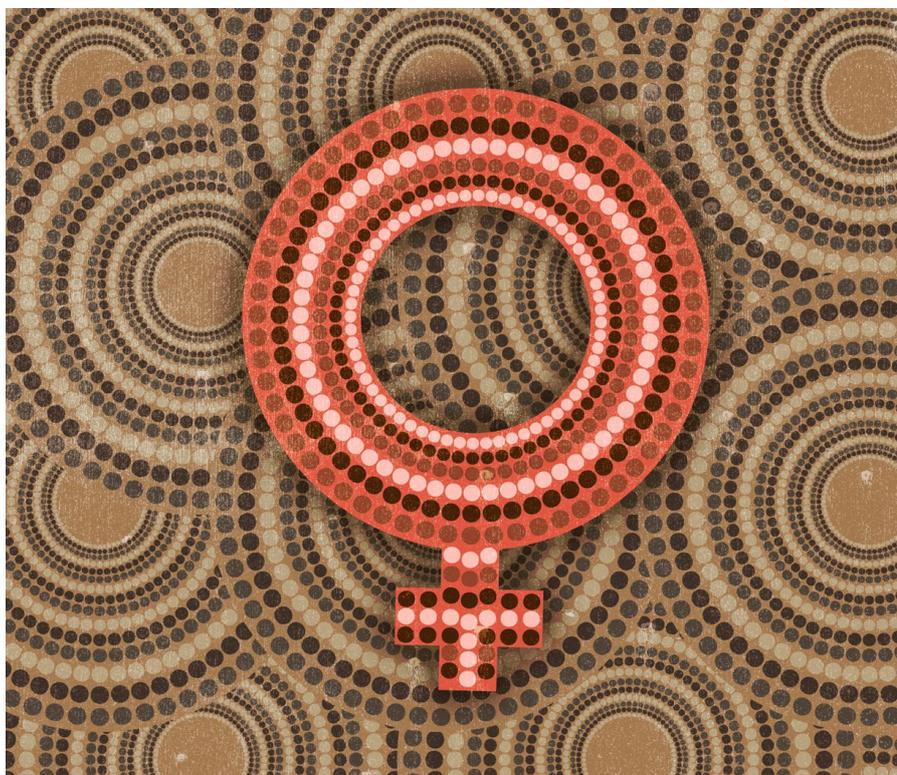

Иллюстрация Арбу.

Статистика по гендерному насилию в отношении женщин — австралийских аборигенок и коренных жительниц островов Торрессова пролива представляет собой мрачную картину. Женщины, принадлежащие коренному населению Австралии, в 31 раз чаще оказываются в больнице в результате насилия в семье, чем представительницы некоренного населения. Кроме того, более половины всех убийств аборигенок происходят в результате домашнего насилия. Такой масштаб насилия подтверждается исследованиями, согласно которым около четверти всех аборигенок за последние двенадцать месяцев хотя бы раз подвергались физическому или сексуальному насилию.

Статистика отдельных штатов и территорий Австралии лишь подтверждает эти поразительные данные. До 95% детей-аборигенов в штате Виктория были помещены в попечительные учреждения из-за насилия в семье. Риск быть убитой для аборигенки в Западной Австралии более чем в 17 раз выше, чем для любой другой женщины. Мы утверждаем, что пересечение индигенности и гендера в данном контексте насилия не является нейтральным показателем, но представляет собой проявление исторической, политической, культурной и расово обусловленной несправедливости.

Чрезмерная представленность аборигенных женщин в статистике по гендерному насилию характерна не только для Австралии, но и для других бывших британских колоний. Коренные жительницы Новой Зеландии (Аотеароа), США и Канады сильнее подвержены риску гендерного насилия, чем другие женщины. Это демонстрирует, что виноваты в этой ситуации не австралийские аборигены или жители островов Торрессова пролива, не маори, не коренные американцы и не коренные народы в целом. Британцы не могли случайно завоевать четыре географических региона, населённых четырьмя разными народами, которые по природе своей склонны к насилию в отношении своих женщин. Кроме того, гендерное насилие над женщи-

“ около четверти всех аборигенок за последние двенадцать месяцев хотя бы раз подвергались физическому или сексуальному насилию ”

нами-аборигенками и коренными жительницами островов Торрессова пролива совершают не только мужчины из коренного населения. Высокая статистика межрасовых браков даёт основания предполагать, что большая часть преступников не принадлежат к коренному населению. По всей видимости, чрезмерная представленность женщин из коренных народов в статистике по насилию является побочным социокультурным следствием их двойного позиционирования (*twin positioning*) в рамках гендерно-расовых иерархий. Расовые отношения власти, рамки которых были определены колониализмом английских поселенцев, пересекаются с гендерными отношениями власти; на пересечении мы видим двойное насилие, которому ежедневно подвергаются женщины, принадлежащие к коренным народам.

Женщины из числа коренного населения Австралии исторически являлись объектами насилия со стороны колонизаторов. В ходе австралийских пограничных войн среди жертв преобладало женское население. На передовой сопротивления также находились женщины, такие как, например, Тареноререр, уроженка Тасмании. По мере того, как в ходе колониального завоевания коренные жители теряли контроль над землями, женщины всё чаще становились жертвами сексуального и физического насилия. Например, европейские охотники на тюленей систематически похищали коренных жительниц островов Фюрно в проливе Басса с 1800 года, превращая их в своих наложниц и служанок. Клан аборигенов, жившие в прибрежных районах, вскоре лишились женщин детородного возраста.

Гендерное насилие, как сексуальное, так и физическое, не прекратилось даже с окончательным

завоеванием Австралии; оно лишь изменило форму. На протяжении большей части двадцатого столетия детей женщин-аборигенок, имеющих более светлый оттенок кожи, чем у матери, насильно забирали из семей и помещали в государственные учреждения с самыми суровыми условиями. При этом следует учесть, что сами матери часто являлись жертвами сексуального насилия. Насильственное изъятие детей, которое позже стало известно как феномен «украденного поколения», происходило в соответствии с государственной политикой ассимиляции аборигенов в общество белых поселенцев. Детям запрещалось следовать культурным традициям коренных народов, общаться со своими семьями и разговаривать на родном языке. Установлено, что каждый десятый ребёнок-абориген был изъят из семьи в период между 1910 и 1970 гг. Последствия этой политики мы видим и по сей день. Вероятность попадания в попечительные учреждения выше для детей из тех семей, в истории которых уже имеются случаи насильственного изъятия детей государством. Кроме того, во всей Австралии наблюдаются последствия колониального насилия: сохранение бедности из поколения в поколение, социальная, политическая и культурная маргинализация. Как результат, неблагополучие семей проявляется в интерсекциональном пространстве физического и эмоционального риска, которому подвергаются женщины-аборигенки и коренные жительницы островов Торрессова пролива.

Как же австралийское общество, включая австралийскую социологию, реагирует на паттерны гендерного насилия в отношении женщин, принадлежащих к коренному населению? К сожалению, оно, как правило, игнорирует проблему. Как и австралийское общество в целом,

австралийская социология служит отражением колониального (в основном британского) наследия. В австралийской социологической литературе не встречается работ, посвящённых гендерному насилию в отношении аборигенных женщин, да и в целом автохтонной социологии практически не существует. По-видимому, у тех, кто получает выгоду от колониализма, недостаточно мотивации, чтобы проводить социологические исследования расовых и гендерных отношений власти, происходящих из колониального наследия. Национальное государство Австралия занимает земли, в прошлом принадлежавшие австралийским аборигенам и коренным народам островов Торрессова пролива. На этих землях основана национальная идентичность Австралии, и из них же страна черпает материальные блага. Поэтому представители коренных народов являются горьким напоминанием о прошлых временах, когда их предки были насильственно выселены белыми колонизаторами со своей земли. Связанная с этим общая неприязнь белых к представителям коренных народов взаимодействует на структурном уровне с гендерными отношениями власти, в результате чего возникает иное восприятие насилия в отношении женщин из коренных народов и соответствующая реакция на него, отличная от реакции на насилие в отношении других групп женщин. Происходит дискурсивная нормализация насилия как очередной социальной проблемы коренных народов. В связи с этим данный феномен остаётся за пределами социологического внимания. ■

Корреспонденцию направляйте: Мэгги Уолтер <Margaret.Walter@utas.edu.au>, Джоселинн Балтра-Улоа <Joselynn.BaltraUloa@utas.edu.au>, Джейкобу Прену <jacob.prehn@utas.edu.au>

> Сексуальное насилие и «корректирующее изнасилование» в ЮАР

Каммила Нэйду, Йоханнесбургский университет, ЮАР; член ИК МСА по вопросам женщин в обществе (ИК32), ИК МСА по вопросам биографии и общества (ИК38) и ИК МСА по клинической социологии (ИК46)

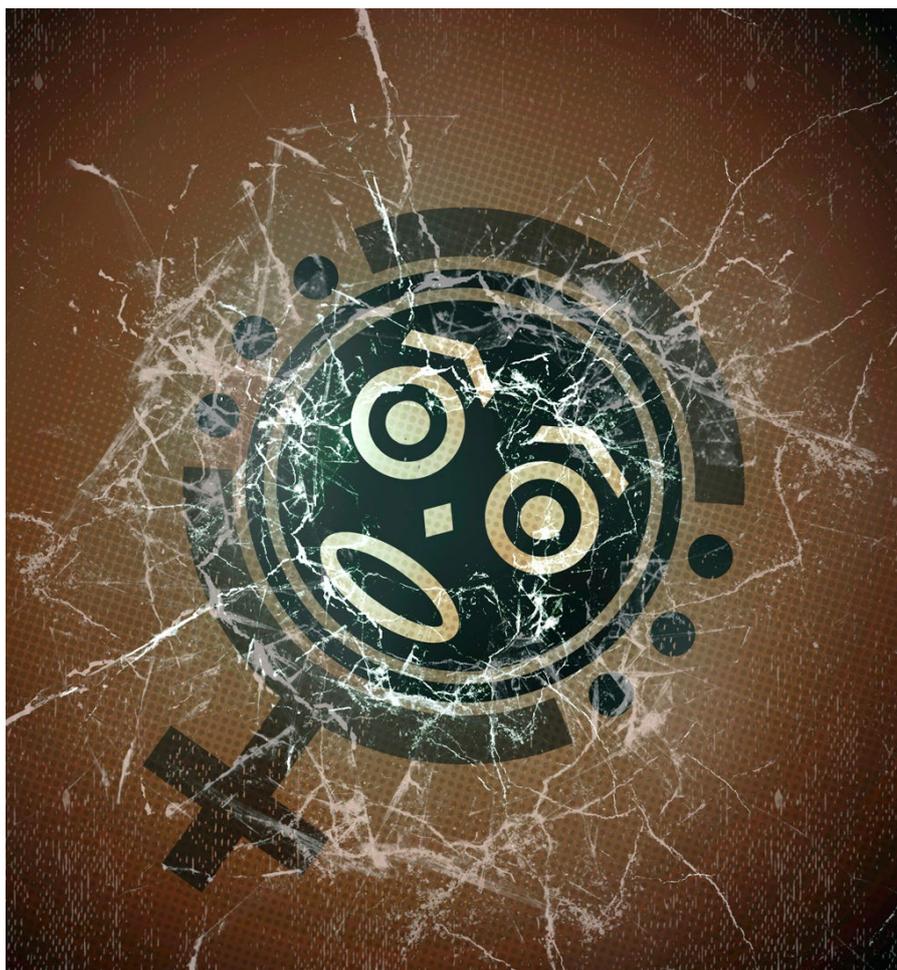

Иллюстрация Арбу.

> Вспоминай историю Квези

В 2005 году женщина лесбийской ориентации, Фезекиле Нтсукела Кузвайо (более известная под псевдонимом Квези), обвинила в изнасиловании Джейкоба Зуму — человека, который впоследствии стал третьим

президентом ЮАР со времён падения режима апартеида. Судебный процесс 2006 года по делу об изнасиловании, вместо того чтобы лишить Зуму шансов когда-либо стать президентом, предоставил ему возможность публично пропагандировать упрощённую версию зулусских обычаев и традиционной маскулинности. В своих показаниях обвиняемый заявил, что в контексте его культуры то, как Квези была одета, было предложением вступить с ним в половую

связь. Попытка Квези привлечь к ответственности мужчину, которого она обвинила в изнасиловании, привела к тому, что её саму начали обливать грязью: её интимная жизнь, сексуальная ориентация, образ жизни и предыдущие эпизоды сексуального надругательства стали частью издевательского судебного процесса и оказались в центре пристального внимания широкой публики и СМИ. За стенами зала суда сторонники Зумы не скупались на проявления ненависти к гомосексуалам, женщинам и феминизму, зачастую доходя до столкновений со сторонниками Квези, в числе которых была группа женщин под названием «Одна из девяти». Название этой группы, поддерживавшей Квези, обращает внимание на то, что на протяжении жизни у одной из каждых девяти женщин в ЮАР есть вероятность быть изнасилованной. Для многих результат судебного процесса был крайне разочаровывающим: Зуму признали невиновным, а Квези пришлось бежать из страны и жить в изгнании после многочисленных угроз её жизни. После многих лет, на протяжении которых она скрывалась и жила отшельнической жизнью, в 2016 году она умерла.

История Квези проявляет несколько актуальных социальных проблем. В их число входят: барьеры, с которыми сталкиваются жертвы, пытаясь привлечь к ответу насильников (в особенности обладающих властью и связями в политических кругах); гомофобная идеология, формирующая отношение общества к изнасилованию лесбиянок; сохранение гетеронормативной культуры, отрицающей женское равноправие, несмотря на

прогрессивный характер Конституции ЮАР и более чем двадцатилетнее прославление идеологии прав человека и равноправия полов в стране. Интерсекциональный подход призывает нас при изучении насилия в отношении женщин обращать внимание на конкретный сложный контекст: в случае с ЮАР — на расовую, этническую принадлежность, сексуальную ориентацию, возраст, физические данные, социальный класс и политическую позицию. Таким образом, то, о чем мы пишем, находится в русле инициативы президента МСА Маргарет Абрахам о формировании глобальной карты изучения гендерного и интерсекционального насилия, возникающего в условиях действия различных взаимосвязанных систем угнетения.

> **Маскулинность, основанная на насилии**

В Южно-Африканской Республике насильников арестовывают нечасто, и количество обвинительных приговоров, выносимых насильникам, в целом очень невелико. Согласно статистике преступлений за 2016 г., предоставленной полицией ЮАР, в отделения полиции в ЮАР за период 2015–2016 гг. поступило около 43 000 заявлений об изнасилованиях. Хотя это число и велико, некоторые аналитики предполагают, что в ЮАР обращается в полицию с заявлением всего примерно одна из каждых тринадцати женщин, изнасилованных посторонним человеком, и одна из каждых 25 женщин, изнасилованных партнёром. Для жертв изнасилования, видящих, как жестоко обходятся с Квези судья и адвокаты Зумы, сообщение было вполне понятно: пойдёшь против насильника — окажешься вместе с ним на суде, и все подробности твоей личной и общественной жизни будут подвергнуты подробному разбирательству. Государственные учреждения, таким образом, также замешаны в пропаганде несообщения об изнасиловании, проходящей в рамках глубоко укоренённой маскулинной культуры, и всё это поддерживается нормализацией изнасилования в СМИ и общественной идеологии. Поэтому неудивительно, что большое количество мужчин в опросах признаётся, что когда-то каким-то образом участвовало в актах изнасилования.

Южноафриканские учёные чаще всего объясняют преобладание маскулинности, основанной на насилии, как эффект кризиса маскулинности, и в основном их внимание оказывается сосредоточено на насильниках-представителях рабочего класса. Согласно этой позиции, традиционные идеалы и нормы мужского поведения оказались подорваны переменами в области политической экономики и пересмотром исторического наследия, а также институтами, отстаивающими равноправие полов, что негативно сказалось на статусе мужчин и позволило (им) говорить о кризисе гендерной идентичности. Общественная и социально-экономическая маргинализация способствовала формированию банд, спорадическому проявлению жестокости и возврату к сдерживаемому до того насилию со стороны различных категорий мужчин, мужественность которых оказалась под вопросом и которые стремятся во что бы то ни стало восстановить прежнее положение дел. В такой ситуации женское тело, по-видимому, выступает в роли орудия, прибегая к которому, мужчина возвращает себе власть и контроль. Такие рассуждения стали тем более убедительными в современном контексте, когда геи и лесбиянки борются за то, чтобы остановить гомофобное насилие. В этой связи конкретно внимание исследователей привлекает «корректирующее изнасилование» — дикое понятие, родиной которого является ЮАР.

> **«Корректирующее» изнасилование**

С 2000 года каждую неделю около 40 лесбиянок оказываются убитыми и около десяти — изнасилованными мужчинами, представляющими свои действия как «корректирующие» в отношении сексуальной ориентации этих женщин. В ходе качественных исследований были выявлены аргументы виновников этих преступлений, утверждающих, что изнасилование будто бы «излечит» лесбиянок (от их гомосексуальности) и сделает их гетеросексуальными. Кроме того, некоторые мужчины из числа участвовавших в опросах заявили, что изнасилование — нападение на женщин, которые «пытаются быть как мужчины» — представляет собой защитную мужскую реакцию, и что

действия мужчин оправданы, потому что они отстаивают свою «подинную мужественность». Такие настроения, усиливающиеся на протяжении последних двух десятилетий, приводят к росту терпимости в отношении изнасилования лесбиянок. Они противоречат духу исторического освободительного движения в ЮАР, среди требований которого была и эмансипация женщин. Конституция Южно-Африканской Республики после апартеида стала первой в мире, в которой запрещена дискриминация по признаку сексуальной ориентации. ЮАР также была первой африканской страной, в которой разрешили однополые браки. Таким образом, воззрения некоторых мужчин, включая власть имущих, — что существуют «трансгрессивные» сексуальные ориентации и модели женственности, которые представляют угрозу их чувству превосходства и нуждаются в исправлении, — служат напоминанием о сильной гомофобной и антифеминистской реакции, с которой сегодня сталкиваются женщины.

> **Заключение**

Как ни парадоксально, изнасилования и прочие преступления и акты насилия на гендерной почве происходят в ЮАР на фоне чётко декларируемой государством политики движения к равенству и равноправию мужчин и женщин. Более того, влиятельные лобби недавно возвестили о том, что в 2019 году президентом может стать женщина. Для того чтобы справиться с проблемой сексуального насилия, однако, потребуются мобилизовать силы для организованных совместных действий; также придётся проявить храбрость и отвагу, подобно, например четырём женщинам, которые в 2016 году сорвали речь президента Зумы, организовав молчаливую акцию протеста с плакатами, на которых было написано «Вспомни Квези!». Для того чтобы покончить с насилием, необходимо возродить и обновить сильное и критически ориентированное феминистское лидерство в академических институтах, государственных структурах и на уровне гражданского общества. ■

Корреспонденцию направляйте Каммиле Нэйду <kammilan@uj.ac.za>

> Польша: домашнее насилие становится очевидным

Магдалена Гжиб, Ягеллонский университет, Польша

> Дело Пясецких

Когда жена польского политика из города Быдгощ, члена правящей партии «Право и справедливость», опубликовала видеозапись на Youtube в апреле 2017 года, вся Польша пришла в негодование. Запись демонстрировала один из случаев домашнего насилия, которое Рафал Пясецки неоднократно совершал над своей женой Каролиной на протяжении их брака. Рафал и Каролина познакомились в церкви, ещё будучи подростками; тогда они были убеждёнными католиками. На фотографиях Пясецкие выглядят как образцовая польская семья: молодые счастливые родители с двумя прелестными дочками. Каролина Пясецка впервые пожаловалась в полицию на домашнее насилие в 2013 году, однако полиция не предприняла никаких действий; позже Рафал убедил жену снять обвинение.

Публичное признание Каролины Пясецкой было настоящим прорывом по двум причинам. Во-первых, заявление Пясецкой о насилии и мучениях, причинённых ей любимым мужем, не только способствовало повышению уровня информированности населения о домашнем насилии и его распространённости в польском обществе. Это заявление также бросило вызов распространённому мнению, что домашнее насилие — это лишь физическое насилие, и случается оно лишь в бедных, неблагополучных семьях, принадлежащих к незащищённым социальным группам. Во-вторых, видео, опубликованное Пясецкой, продемонстрировало, сколько лицемерия в ультраконсервативной правой политике, которой

придерживается «Право и справедливость», и показало истинное женоненавистническое лицо этой партии.

> Назад в прошлое: права женщин за последние 10 лет

С того момента, как партия «Право и справедливость» пришла к власти в 2015 году, государство начало проводить очевидно реакционную политику в отношении прав женщин и вопросов гендерного равенства (см. [статью Юлии Кубисы в ГД7.1](#)). Однако даже до прихода к власти партия активно противостояла ратификации в Польше Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье. Начиная с 2012 года партия поддерживает различные кампании Польской католической церкви по борьбе с «гендерной идеологией», якобы представляющей угрозу для польской семьи, традиционных ценностей и национальной идентичности. Стамбульская конвенция утверждает, что причины насилия в отношении женщин имеют структурную природу, и требует от государств действий по искоренению гендерных стереотипов, порождающих насилие в отношении женщин. Упомянутые инициативы Польской католической церкви основаны на предположении, что идеи, провозглашаемые в Стамбульской конвенции, губительны для польской культуры и приведут к тому, что родители утратят право воспитывать детей в соответствии со своими личными ценностями. Члены партии «Право и справедливость» отрицают широкую распространённость домашнего насилия в Польше, заявляя, что польские мужчины относятся к женщинам как к леди, а

польские законы защищают женщин от насилия в семье. Партия также утверждает, что домашнее насилие встречается редко и может исходить только от мужчин, находящихся под воздействием алкоголя. В 2015 году государство урезало финансирование НКО, которые оказывают поддержку женщинам, пострадавшим от домашнего насилия. Официальной причиной этого решения было то, что услуги организаций были якобы дискриминирующими по признаку пола, так как эти НКО занимались помощью исключительно женщинам. Более того, в феврале 2017 президент Польши Анджей Дуда публично заявил, что Стамбульская конвенция не будет распространяться на польские государственные учреждения.

Польша известна сильной католической традицией. Со времени падения коммунизма католическая церковь оказывает значительное идеологическое влияние на польскую политику. В коммунистическую эпоху 1945–1989 г. страна приобрела опыт гендерного равноправия: польские женщины получили доступ к рынку труда и высшему образованию, а их репродуктивные права были расширены. Тем не менее, в обществе по-прежнему преобладают традиционные гендерные роли, особенно в том, что касается семейных и интимных отношений. Поэтому женщины в Польше всё ещё занимают подчинённую позицию по отношению к мужчинам. Концепция «гендерной идеологии» была введена католической церковью в 2012 г. как реакция на проведение политики равенства. Такой ход имел своей целью отвлечь общественное внимание от скандалов, связанных с педофилией среди ка-

“ Дело Пясецких разрушило строгое социальное табу на публичные высказывания о домашнем насилии ”

толических священников, и воспрепятствовать привлечению церкви к институциональной ответственности.

В условиях такого политического климата Каролина Пясецка решила обнародовать свою историю и бросить вызов общественному отрицанию существующей проблемы. Когда видеозапись была опубликована, Рафал Пясецкий стал опровергать утверждения жены о том, что он её бил. Он заявил, что был воспитан в традиционной семье, разделяет христианские ценности и верит в традиционные гендерные роли. В качестве оправдания своему возмутительному поведению и дурному обращению с женой он предположил, что та плохо справлялась с традиционной гендерной ролью хорошей жены.

> Последствия дела Пясецких для Польши

Случай Пясецких стал первым громким делом о домашнем насилии в Польше. Всеобщий интерес вызвал тот факт, что в центре скандала оказался Рафал Пясецкий — видный политик партии «Право и справедливость», известный активной пропагандой семейных ценностей и своими гомофобными высказываниями. Данное дело также стало значительным шагом вперёд в деле повышения осведомлённости о серьёзной проблеме психологического насилия и о том, как это насилие влияет на пострадавших. В целом, проблему психологического насилия в Польше игнорируют как государственные учреждения, так и суды. Хотя поведение Пясецкого было возмутительно, многим женщинам оно напомнило то, как с ними обращаются в семье; при этом женщины не всегда воспринимали данное поведение как ненормальное или недопустимое.

Дело было широко освещено в прессе (независимых и социальных СМИ) и вызвало публичное негодование. Случай спровоцировал дискуссию о том, что общественность не предпринимает достаточно усилий, чтобы помочь пострадавшим от насилия в семье. Кроме того, видеопубликация

разрушила строгое социальное табу на публичные высказывания. По словам Каролины Пясецкой, её решение рассказать свою историю было мотивировано желанием помочь другим женщинам открыто заявить о проблеме насилия в своих семьях и выйти из абьюзивных отношений. Пясецкая также хотела продемонстрировать, что насилие в семье — это проблема не только низшего класса.

> Это не единственный случай: домашнее насилие и партия «Право и справедливость»

Несмотря на то, что дело Пясецких не вызвало политического потрясения внутри правящей партии, нам ещё предстоит увидеть его реальные политические последствия. Хотя Пясецкий и был исключён из партии «Право и справедливость», а в мае 2017 года ему были предъявлены обвинения, члены партии продолжают преуменьшать важность проблемы домашнего насилия. Пресс-секретарь партии Беата Мазурек заявила, что злоупотребление (sic) насилием в отношении членов семьи неприемлемо, — как будто приемлемо вообще какое-либо применение насилия! Коллеги по партии, с одной стороны, осуждают насилие в семье как факт, однако, с другой стороны, утверждают, что Пясецкие использовали семейную драму в качестве средства политической борьбы. Дело Рафала Пясецкого представляет собой вопиющий случай; тем не менее, это не первый и не единственный политик партии «Право и справедливость», который избивает и унижает жену. В 2016 г. депутат польского парламента Лукаш Збониковски был также обвинён женой в насилии; однако дело не получило столь широкой публичной огласки. Позже, уже в 2017 году, жена депутата Вальдемара Бонковского предъявила своему мужу обвинение. Она заявила, что муж угрожал ей и подвергал так называемому газлайтингу, отказывая ей в адекватности и повторяя, что она душевнобольная. Мы видим, что ультраконсервативная, традиционалистская, прорелигиозная по-

литическая партия преуменьшает серьёзность ситуации, фактически попустительствуя тем своим членам, которые совершают жестокое насилие над членами своих семей. Таким образом «Право и справедливость» ставит под угрозу все свои претензии на моральное превосходство и легитимность как правящей партии. Обнаруживается цинизм, обнажается истинное лицо консервативной политики правого толка, которая нацелена исключительно на поддержание патриархатной власти и маскулиных привилегий.

Хотя законы против насилия в семье были приняты ещё в 2005 году, это насилие легитимировано имплицитным образом в рамках преобладающего дискурса о защите семейных ценностей. Партия «Право и справедливость» сама по себе не легитимизирует домашнее насилие. Однако посредством юридической системы и официального дискурса она продвигает представления, типичные для традиционной патриархатной семейной структуры, в рамках которой роль женщины должна ограничиваться исключительно приватной сферой.

Несомненно, дело Каролины Пясецкой привлекло общественное внимание к проблеме домашнего насилия. Позиция правящей партии по отношению к этой проблеме сочетается с другими политическими мерами «Прав и справедливости», открыто направленными против женщин (например, затруднением доступа к репродуктивным правам). Если принять это во внимание, то представляется, что в долгосрочной перспективе такой подход дискредитирует не только саму партию, но и всю её жесткую патриархатную идеологию. Случай Пясецких демонстрирует, что социологам необходимо в деталях исследовать глубинные проблемы современных семейных структур и критически пересмотреть вопрос взаимосвязи публичного и приватного. ■

Корреспонденцию направляйте Магдалене Гжиб <magdalenaaagryzb@gmail.com>

> На пути к искоренению насилия?

Сильвия Уолби, кафедра ЮНЕСКО по гендерным исследованиям в Ланкастерском университете, Великобритания; в 2006–2010 гг. — член Исполнительного комитета МСА и председательница ИК МСА по вопросам экономики и общества (ИК02)

Марш «Восстание миллионов женщин» (Million Women Rise) в Лондоне, 2014 г.

Среди принятых ООН Целей устойчивого развития до 2030 года есть две, которые непосредственно связаны с гендерной проблематикой. В статье 16.1 сформулирована цель «добиться значительного сокращения всех видов насилия и связанных с ними показателей смертности»; статья 5.2 провозглашает в качестве цели развития «добиться прекращения всякого насилия в отношении женщин и девочек».

Утопичны ли эти цели? Двигается ли мир в противоположном направлении? Цели ООН в области устойчивого развития отражают видение мира, разделяемое множеством государственных, международных и всемирных организаций, представляющих интересы гражданского общества. Социология участвует в создании базы знаний, необходимой для того, чтобы воплотить в жизнь эти идеи о возможном мире без насилия.

Достижение поставленных целей требует выработки теоретических оснований для социальных измене-

ний. Необходимо объяснить бытующее в обществе насилие и роли гендера в жизни общества. Необходима разработка концептуальной модели насилия и выработка показателей для измерения и проверки теоретических объяснений.

> Что вызывает рост или спад насилия?

Влияет ли экономическое развитие на показатели насилия? По-видимому, при неблагоприятных экономических условиях уровень насилия оказывается выше. Рост гендерного равенства помогает женщинам противостоять насилию. Что улучшает ситуацию с гендерным равенством? Экономическое развитие может как способствовать, так и препятствовать эгалитарному тренду — это зависит от того, в каких условиях происходит рост — неоллиберальных или социально-демократических.

Как влияют на распространенность насилия целевые интервенции и службы поддержки населения? В результате феминистского движения воз-

никли разнообразные гражданские инициативы, от приютов и телефонных служб помощи до консультаций специалистов и юридической помощи. Рост числа и разнообразия служб поддержки связывают с уменьшением уровня насилия, поскольку они помогают актуальным и потенциальным жертвам противостоять насилию. Однако материальное содержание этих структур обходится недешево, и вопрос их финансирования связан с гендерным неравенством на структурном уровне.

Насколько значима система уголовного правосудия? Во всем мире в законодательство вносятся изменения, призванные защитить женщин от насилия. Однако увеличение количества подобных законов не означает, что женщинам стало легче добиться справедливости.

Насколько важна демократия для предотвращения насилия в отношении женщин? В своей книге «Глобализация и неравенство» (*Globalization and Inequalities*) я привожу данные о том, что число убийств женщин ниже в тех странах, где выше их доля в органах

>>

законодательной власти. Степень гендерной демократии важна: усиление гендерного аспекта демократии коррелирует с уменьшением насилия в отношении женщин. Таким образом, для достижения поставленных целей важно движение к гендерному равенству не только в экономической, но и в политической сфере.

Недавний финансово-экономический кризис, сильнее всего затронувший страны Северного полушария, привёл к усугублению гендерного экономического неравенства и введению политики жёсткой экономии, в ходе которой было сокращено предоставление некоторых услуг в области социального обеспечения и сокращена сфера социального обеспечения в целом. Потенциально в такой ситуации возможно проверить тезис о том, что высокий уровень гендерного неравенства, жёсткая экономия и сокращение предоставления обеспечения ведут к повышению уровня гендерного насилия.

Чтобы проверить подобные теоретические предположения, необходимо знать, повышается или понижается уровень насилия, знать, насколько различается уровень насилия в разных социальных группах и локальностях. Для этого требуется тщательное измерение уровня насилия, учитывающее его гендерные аспекты, чего на данный момент крайне не хватает.

> Как измерять насилие?

Вопрос измерения крайне важен. Насилие в отношении женщин практически не отражается в официальной статистике, несмотря на все усилия гражданского общества. Новая Международная классификация преступлений, для статистических целей разработанная Управлением ООН по наркотикам и преступлениям, не содержит информации о половой принадлежности жертвы насилия, гендер рассматривается как дополнительная, необязательная категория. Кроме того, большинство жертв гендерного насилия не обращается с заявлениями в правоохранительные органы. Чтобы решить эту проблему, проводятся регулярные опросы для оценки уровня преступности: жертвы насилия с большей вероятностью рассказывают о нём в ходе научного исследования, а не в полиции. Хотя в ходе подобных опросов обязательно учитывается пол жертвы, случаи рецидива насильственных действий иногда остаются неотмеченными, или, даже если их фиксируют, то не всегда должным образом учитывают при официальной оценке уровня насилия.

До сих пор данные большинства национальных опросов преступности, включая проведенные в США и Великобритании, демонстрируют более высокие показатели, чем данные обращений в правоохранительные органы. Этим объясняется гендерный перекос в статистических данных, поскольку случаи домашнего насилия, жертвами которого в значительно большей степени являются женщины, являются повторными. Заново исследуя первичные данные, полученные в ходе исследования преступности в Англии и Уэльсе, мы (Джуд Тауэрс, Брайан Фрэнсис и я) обнаружили, что, когда при обработке учитывались все преступления, о которых сообщалось в ходе опроса — первичные и повторные, — картина существенно изменилась. Общее количество насильственных преступлений возросло на 60%, уровень насилия в отношении женщин возрос на 70%, а показатели насилия со стороны членов семьи возросли также на 70%.

Используя новый метод обработки данных, Уолби, Тауэрс и Фрэнсис обнаружили, что в Англии и Уэльсе с начала экономического кризиса 2008 года наблюдается рост показателей насильственной преступности. Фиксируется рост насилия в отношении женщин, но не в отношении мужчин. Это связано с ростом бытового насилия, непропорционально большая часть которого направлена на женщин. Такие изменения невозможно обнаружить при применении прежней методики, неоправданно занижающей значимость повторяющегося насилия. Когда учитываются повторные насильственные преступления (непропорционально большая часть которых направлена на женщин), становится очевидным и рост показателей насильственной преступности. При использовании прежней методики учёта, при которой повторные насильственные преступления в отношении одной и той же жертвы систематически игнорируются, такой рост не фиксируется. Что касается насилия, его изменение невозможно понять, не учитывая гендерного измерения. Полученные в Великобритании данные подкрепляются теориями, выявляющими связь между экономикой и насилием и учитывающими при этом гендерный профиль этой связи.

Для того, чтобы выработать полноценную систему измерения, которая позволила бы сравнивать изменения уровня насилия с учётом времени, места и социальной группы, требуется непротиворечивое определение насилия и категорий, применяемых

при измерении его уровня, а также непротиворечивые методы сбора данных, учитывающие эти категории. Существует два противоположных подхода к подсчёту показателей насилия (данные подходы отражены в статьях 16 и 5 Целей устойчивого развития). При этом ни один из них не предполагает систематического сбора данных, отображающих гендерное измерение насилия. Один подход предполагает сбор данных о насилии, но при этом не учитывается ни пол жертвы, ни характер взаимоотношений между правонарушителем и жертвой. Другой подход предполагает сбор данных, связанных исключительно с насилием в отношении женщин. Гендерные характеристики необходимо включить в список стандартных показателей, фиксируемых при сборе данных о насильственных преступлениях (пол жертвы, пол правонарушителя, характер взаимоотношений между правонарушителем и жертвой, информация о том, присутствует ли в акте насилия сексуальная составляющая). Наша исследовательская группа разработала новую систему измерения уровня насилия в отношении женщин и мужчин, которая сможет внести вклад в создание адекватной системы оценки преступности и способствовать сравнительному анализу.

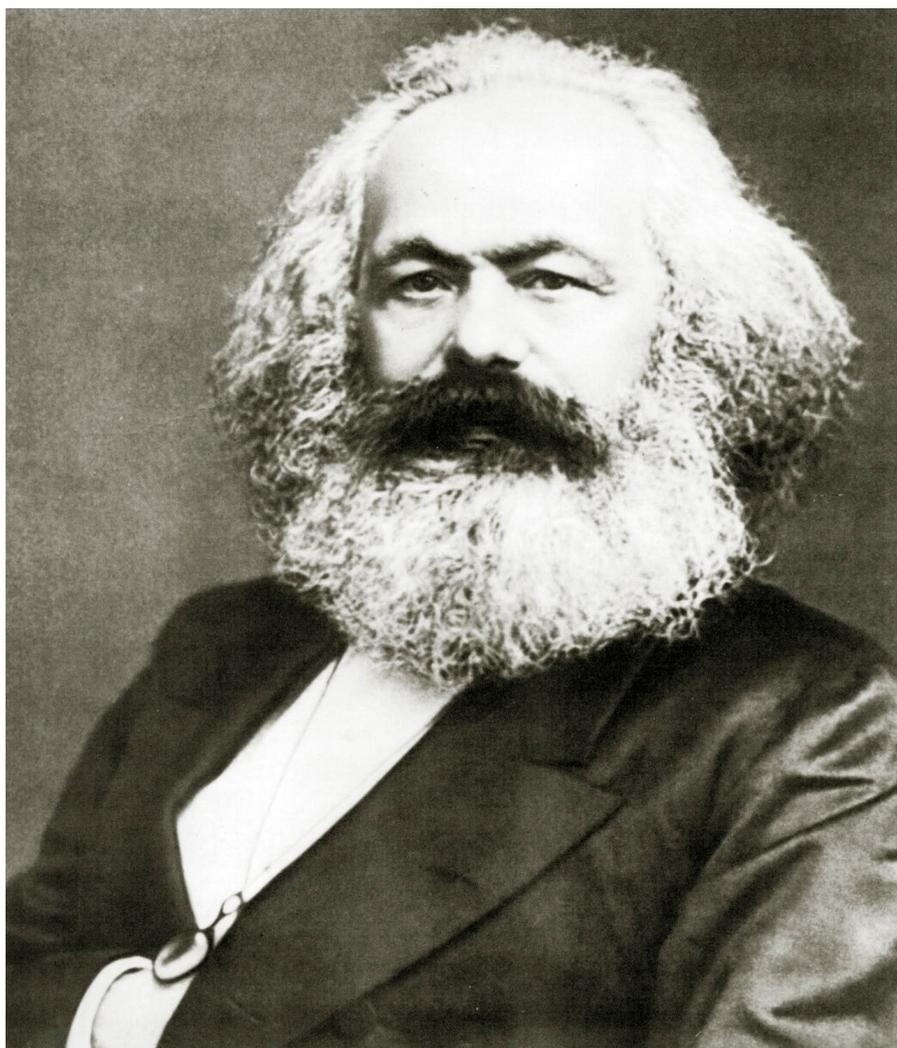
> Кризис и рост насилия в отношении женщин

Важно, что в настоящее время фиксируется не рост насилия в целом, а рост насилия именно в отношении женщин, и он связан с повторением насильственных преступлений, совершаемых одним и тем же правонарушителем. Экономический кризис гендерно дифференцирован, его влияние на бюджет гендерно дифференцировано, и то же верно и в отношении насилия.

Новая, критическая общественная наука пересматривает категорию безопасности. В новом определении этой категории важно учесть насилие в отношении женщин. Это значит, что насилию должно быть отведено значительное место в социологической теории, а методы измерения его уровня должны быть существенно пересмотрены. В этом и есть суть социологии как общественной науки, действующей в интересах общества, и таким образом социология сможет содействовать достижению целей ООН в области устойчивого развития — сокращению всех видов насилия. ■

Корреспонденцию направляйте Сильвии Уолби <s.walby@lancaster.ac.uk>

> 200 лет Марксу

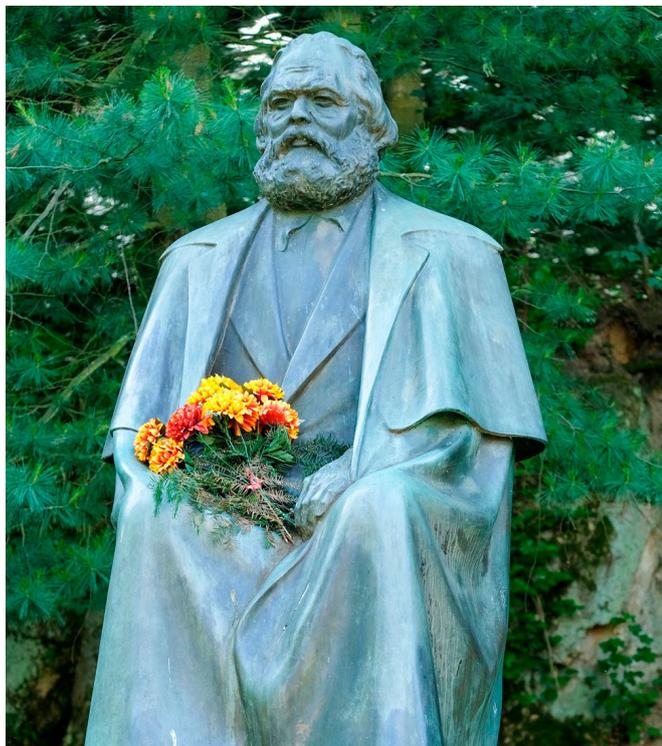

Карл Маркс в 1875 г. Архив Wikimedia Commons / Нелицензированный материал

В ряде регионов мира финансовый кризис 2008–2009 гг. вновь привлек интерес к трудам Карла Маркса и его конгениального соавтора Фридриха Энгельса. В частности, ряд авторов утверждает, что «Капитал» может объяснить кризисный механизм развития капитализма, пролить свет на современную капиталистическую экономику и такие её последствия, как глобальный рост социального неравенства, повышение уровня безработицы, прекарные условия труда, бедность и экологические катастрофы. Данные проблемы побуждают социологов, СМИ и широкие слои общества к переосмыслению капитализма. Тем не менее, марксистская теория остаётся пространством для дискуссии; Марксу посвящено множество научных работ во всём мире. В двухсотый день рождения Карла Маркса «Глобальный диалог» решил пригласить коллег из разных уголков планеты к участию в создании специальной подборки статей, посвящённой этому мыслителю. Ниже мы публикуем размышления о Марксе, марксизме и марксистской социологии, о прежних традициях марксизма и его актуальности сегодня. Специальный раздел открывает статья о философских истоках марксизма. Далее следуют критические эссе о применении марксистской теории в работе социолога и о том, чего этой теории недостаёт. Данная подборка демонстрирует наше видение труда, государства, закона, социального неравенства и других вопросов сквозь призму подхода Маркса. ■

> Маркс и социология, 2018 год

Г. М. Тамаш, Центрально-Европейский университет, Венгрия

Памятник Марксу в Карловых Варах, Чехия.

Макс Вебер в своей «Общей истории хозяйства» (1919–1920) констатировал, что капитализм как сложная система удовлетворения повседневных человеческих потребностей характерен для западного мира, что предварительными условиями для его появления были принятый за норму в деятельности всех крупных предприятий рациональный метод подсчёта капитала (ставшая традиционной двойная запись), а в особенности следующее: 1) распределение всех средств производства как свободно реализуемой собственности между независимыми частными предприятиями; 2) потребность в существовании свободного рынка без «иррациональных» ограничений, таких как деление на касты (*Stände*); 3) потребность в рациональной (то есть позволяющей вести подробные расчёты) механизации в сферах производства, торговли и транспорта; 4) существование рациональной правовой системы, закономерной и понятной; 5) доступность свободного труда, то есть существование людей, имеющих закреплённое законодательно право продажи своей рабочей силы, вынужденных при этом из экономических соображений реализовывать его посредством рынка труда.

Марсель Мосс (в энциклопедической статье, написанной совместно с Полем Фоконне в 1901 году) сходным образом

констатировал, что ни один отдельный человек, к примеру, рабочий или торговец, не был способен изобрести обусловленные чем-то превосходящим его отдельное сознание формы социальной жизни, такие как ссуды, проценты, заработная плата, меновые сделки или деньги. Даже такие составляющие социальной и экономической жизни, как трудолюбие, бережливость, тяга к роскоши или приключениям, боязнь нищеты и «предпринимательская жилка» не являются исключительно субъективными, несмотря на вариативность их конкретных форм; в общем смысле они являются «объективными» производными «социальной культуры», которая сама представляет собой элемент социальной системы западного капитализма.

Во всём вышеизложенном не так много того, с чем не согласился бы современный марксист (впрочем, и сам Маркс), не говоря уже о том, что социология, возникшая уже после Маркса, несёт на себе отпечаток его мысли, хотя частично и оспаривает его наследие.

> «Буржуазный» или марксистский анализ современного общества?

В чём же тогда принципиальное различие между «буржуазной» социологией (и всеми разновидностями исследования социума, от эмпирических социологических исследований до политической философии) и марксистским анализом современного общества? Как объяснить их затянувшийся спор, в контексте истории, возможно, столь же важный, как дебаты метафизики и теологии в эпоху Просвещения?

Говоря упрощённо, эпоха Просвещения отвернулась от аристотелевской, августиновской и томистской космической объективности и обратилась к материальной субъективности, освящающей суверенность человеческой воли как фундамента свободы. Науки, получившие во Франции название «*sciences morales et politiques*» (моральные и политические науки), появились благодаря кантианской, законченной форме критики грандиозного ковчега, содержавшего все старые догматы, господствовавшие в работах «западных» (включая византийских, иудейских и исламских) мыслителей со времён греческих философов.

Философия морали Канта и Спинозы, несмотря на значительные расхождения между ними, признаёт человеческие существа частью природы, подчиняющимися причинному детерминизму так же, как подчиняются ему камни или рыбы, а их разум (ведомый страстями и в особенности *инстинктом самосохранения*) — свободным в том, что касается морально-этического выбора, но не способными к абсолютному, объективному, непредвзятому и всеохватывающему познанию и пониманию ввиду препятствий логического и психо-

>>

логического толка. Если познание Бога, расцениваемое как необходимость, есть нечто субъективное — в евангельской терминологии называемое «верой», то «моральные науки» также должны оказаться субъективными. Вероятно, общим новым представлением для эпох Возрождения, Реформации и Просвещения было то, что в основе и познания, и свободы находится субъективность, направляемая разумом, главными ориентирами для которого служат логика и математика.

Это понимание, разумеется, проистекало из убеждения, что рассматриваемую таким образом «реальность» можно познать при помощи интуитивного прозрения, анализируемого затем путём логических рассуждений, сопровождаемых диалектическим анализом имеющихся противоречий.

Историческая роль Гегеля заключалась в том, чтобы показать, что то, что рассматривалось как нечто субъективное, «дух», на самом деле являлось объективным; что разум, создающий понятия (а не выводящий их из явлений внешнего мира), описываемый Кантом, является не нашим субъективным инструментом, имеющим эпистемологические ограничения и обречённым на невозможность познания наиболее важных истин, но напротив, *именно он является источником (или основой) познания, и свободы.*

Гегель также предположил, добавив сложности своим построениям, что существуют два вида объективности: собственно «объективный дух» (то, что мы сегодня называем «социальными институтами»), который он в молодости именовал *позитивностью*, «ложная объективность» (упрощённо говоря, разум без свободы) — и «абсолютный дух» (разум как свобода, философия).

Именно этот «объективный дух» истинный основатель социологии Эмиль Дюркгейм назвал «обществом»: другими словами, это человеческий мир, абсолютно чуждый отдельным человеческим намерениям, выборам, желаниям и так далее, мир структур, обеспечивающих устойчивые или постоянные результаты, поскольку любые человеческие устремления не формируют институциональные структуры, а отражают их. Эти структуры, называемые «фактами» — непроницаемые монады, их трансформации происходят неожиданно, вследствие непредвиденных совпадений или внешних событий.

У Маркса, ушедшего вперёд от Гегеля и одновременно вернувшегося к Канту, снова возникает дуализм эмпирического и трансцендентального. То, что преподносится как «факт», «структура» или «предмет», есть лишь видимость, за которой скрывается субъективность. Приведем самый известный пример — труд (человеческая производительная деятельность) скрывается за стоимостью (основным ориентиром в процессе капитализма). То же происходит и с трудом, подчиненным товарному фетишизму. Все предметы представляют собой *разновидности субъективной человеческой деятельности.*

Предмет, институциональный «объективный дух» — это *видимость*, следовательно, вся институциональная логика общества (при которой экономика, государство и «гражданское общество» более не отделяются друг от друга) — тоже видимость. Но с точки зрения субъективности и объективности, даже труд не является чем-то однородным: труд как нечто конкретное и труд как нечто абстрактное не есть одно и то же. *Непосредственное* представление — всегда мираж, суть, как и положено суги, остаётся скрытой (при капитализме лож-

ное представление рядится в одежды объективности). И этот мираж должен быть развеян (на концептуальном уровне) при помощи теории (критической политической экономии, философии и так далее), чтобы вернуться к естественности субъективной человеческой деятельности, в которой стоимость не главенствует над потребностями.

С точки зрения классической социологии главный вопрос здесь таков: как «абсолютный дух» направляет «объективный дух» (то есть какого рода социальные институты возникают вследствие влияния, оказываемого стоимостью), или каковы происхождение, история и функция классов? Поскольку социология рассматривает группы людей как «предметы» (устойчивые или хотя бы относительно устойчивые абстрактные идеи), её внимание сосредоточено на том, как группы людей формируются и расширяются, каково их место в картине, которую представляет собой всё общество в целом, и как они оказываются связаны с государством — локусом намеренно производимых социально-политических изменений.

> Марксистские воззрения: класс и эксплуатация

Характерно, что Маркс не дает ответа на ключевой социологический вопрос. В противоположность раннему «Манифесту коммунистической партии» он и его последователи, представители так называемого «западного марксизма», не считают, что классы существуют до и после капитализма. (Классы историчны.) Класс — это эпифеномен стоимости и капитала: «классовые культуры», «классовый образ жизни» и «классовые организации» являются эпифеноменами этого эпифеномена.

Единственный важный для Маркса класс — это пролетариат, который в его поистине гегелевском представлении является классом, не входящим в состав общества. (Это часть, которая не является частью целого.) Это непризнание данного класса, на который не распространяются процессы, которые в описываемом «буржуазными» общественными науками (экономикой, политикой) обществе должны представлять собой взаимодействие между людьми, которым присуща общая «человечность». Но овеществление не позволяет осуществиться этому процессу.

Поскольку овеществление представителя или представительницы пролетариата происходит в ходе основного вида его или её деятельности, оно является не взаимодействием между классами, а свойством капитала. Буржуазия занимается эксплуатацией не сознательно: цель ее деятельности является присвоение прибавочной стоимости — накопление капитала, а не страдания трудящихся. Никакое государство не способно пресечь или подавить эксплуатацию, поскольку последняя не является «политической проблемой», в отличие от того, что привыкли думать социал-демократы. Это не неравенство.

Неравенство является социологической проблемой, но эксплуатация ею не является. Перевести овеществление, товарный фетишизм, эксплуатацию в неравенство (а следовательно, в «политическую проблему», которая постепенно может быть решена), для марксиста представляется абсурдным. Вот почему марксистская теория обычно неспособна ответить на вопросы социологического характера — и наоборот. ■

Корреспонденцию направляйте Г. М. Тамашу <gmtamas@gmail.com>

> Актуальность марксистской традиции для преодоления капитализма

Эрик Олин Райт, Висконсинский университет в Мадисоне, США

Ожидание ответа от Маркса через 200 лет со дня его рождения.

Фото: Марк Гомес, Сан-Паулу, Бразилия.

С трудами Маркса теснее всего связано представление, что присущая капитализму динамика характеризуется глубинными внутренними противоречиями, которые в итоге приводят к разрушению системы. Кроме того, согласно Марксу, такая динамика одновременно формирует благоприятные условия для создания альтернативной формы общества, в гораздо большей степени способствующей человеческому процветанию. Первая предпосылка вполне определённо предсказывает судьбу капитализма: в долгосрочной перспективе данный социальный порядок является неустойчивым, и рано или поздно ему неизбежно придёт конец. Вторая предпосылка не отличается таким жестким детерминизмом: динамика, разрушающая капитализм изнутри, одновременно открывает новые исторические возможности (в особенности благодаря развитию средств производства и росту производительности труда). Вместе с тем она предполагает форми-

вание рабочего класса, представляющего собой коллективную общность и движущую силу истории, способную воспользоваться новыми возможностями и с помощью революции построить освободительную альтернативу капитализму. Успех рабочего класса в реализации данной альтернативы зависит от ряда процессов, обусловленных конкретными обстоятельствами. К таким обстоятельствам относится распространение революционной идеологии, появление устойчивой классовой солидарности, развитие форм политической организации, позволяющих согласованно вести борьбу и т. д. Поэтому марксистская теория в целом является локусом переплетения детерминистских прогнозов неизбежного краха капитализма и недетерминистских заявлений о будущем за пределами капитализма.

Двойственность, проявляющаяся в сочетании детерминистских и недетерминистских аргументов, делает теорию Маркса привлекательной платформой для поли-

>>

тических движений. Недетерминистские элементы объясняют значимость осмысленной коллективной движущей силы и стремления индивидов объединиться в борьбе за изменение мира к лучшему. Детерминистские же элементы создают почву для оптимизма: даже при всей серьёзности препятствий, стоящих на пути революции, антикапиталистические силы могут считать, что «история на нашей стороне» и что благоприятные условия для революционного прорыва в конце концов «созреют».

Мир, в котором мы живём сегодня, существенно отличается от того мира, в котором Маркс разрабатывал свою теорию. Некоторые предсказания мыслителя в точности сбылись: капитализм превратился в глобальную систему, охватив самые дальние уголки мира; средства производства развиваются необыкновенными темпами; большинство сфер жизни глубоко пронизаны капиталистической рыночной логикой; тяжелейшие экономические кризисы являются неизменной чертой капиталистических обществ. Однако другие предсказания, связанные с главной целью — победой над капитализмом, не нашли подтверждения. Рабочий класс не стал более гомогенным; напротив, он становится всё более фрагментированным, и его гетерогенность, проявляющаяся на разных уровнях, препятствует формированию солидарности, необходимой для коллективного ответа капитализму. Капитализм гораздо быстрее, чем предсказывал Маркс, оправляется от кризисов, создавая всё новые режимы накопления. Капиталистическое государство стало гораздо более гибким и отвечает на спрос населения, а когда необходимо, прибегает к репрессиям. Наконец, трагическая история государств, где после социалистической революции пытались построить альтернативу капитализму, подрывает оптимистическую веру в то, что кризис — это благоприятный случай для того, чтобы революционные политические силы начали строить справедливую и гуманную альтернативу капитализму.

По всем этим причинам в XXI веке нет смысла воспринимать «законы движения капитализма» как средства, разрушающие капитализм изнутри и одновременно создающие благоприятные условия для преодоления системы и освобождения от неё. Однако это не значит, что вся марксистская традиция к настоящему времени утратила актуальность. В частности, как для научного понимания современного общества, так и для борьбы за более справедливый мир остаются важными четыре главных утверждения марксистской традиции. Рассмотрим их по очереди.

1. Капитализм препятствует созданию максимально благоприятных условий для процветания человечества. Самый очевидный показатель этого — сохраняющаяся бедность при росте изобилия. Однако губительный характер капитализма не ограничивается отчуждением материальных благ. Он наносит ущерб и другим ценностям, необходимым для человеческого процветания: равенству, демократии, свободе и человеческому сосуществованию. Источником вреда, прежде всего, является капиталистическая классовая структура. Классовые отношения в условиях капитализма наносят ущерб посредством различных механизмов: эксплуатации, угнетения, превращения экономической власти в политическую,

деструктивных форм конкуренции и агрессивной экспансии рынка, нарушающего принципы общезнания и реципрокности. Эти механизмы ущерба рассматриваются во множестве современных марксистских исследований.

2. Динамика капитализма носит внутренне противоречивый характер. Капитализм не может прийти к стабильному равновесию, где все элементы системы составляют единое функциональное целое. Даже если капиталистические противоречия не набирают достаточной силы, чтобы сделать всю систему нежизнеспособной, они раз за разом открывают пространства для новых возможностей и трансформационной борьбы.

3. Другой мир возможен. Вероятно, краеугольным камнем марксистской традиции является идея, что освободительная альтернатива капитализму возможна. Данная альтернатива представляется в форме экономической системы, где на смену контролю инвестиций и производства со стороны капиталистического класса приходит радикальная экономическая демократия. Именно эта идея делает марксизм не просто критикой капитализма, но эмансипационным социальным учением. Положение о том, что освободительная альтернатива «возможна», означает больше, чем признание того, что она в принципе мыслима. По Марксу, альтернатива желательна, жизнеспособна и достижима. Таким образом, марксизм утверждает следующее: радикальная экономическая демократия приведёт к более полной, чем при капитализме, реализации ценностей эмансипации человечества. Будучи однажды установлена, альтернатива не развалится сама собой; существуют благоприятные исторические условия, способствующие становлению новой системы.

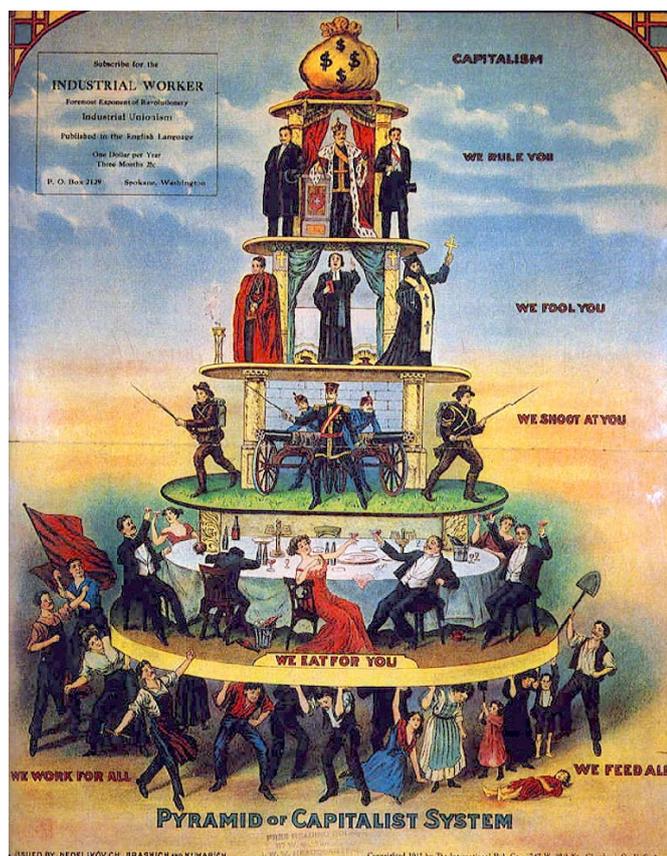
4. Трансформация требует классовой борьбы, связанной не только с сопротивлением, но и с созданием. Преобразование капитализма в экономическую демократию требует коллективных действий и мобилизации снизу. Хотя представители элит и могут оказаться полезными союзниками, освободительная социальная трансформация не может быть просто результатом инициативы со стороны просвещённых элит. Кроме того, освободительная трансформация требует не только сопротивления негативному воздействию капитализма. Необходимо создавать новые институты, воплощающие освободительные идеалы. В оригинальной теоретической формулировке Маркса созидательная трансформация (*строительство новой общественной формы — прим. пер.*) должна начаться лишь после революционного освобождения от капитализма: как только рабочий класс придёт к власти, он немедленно займётся строительством нового общества. Однако в XXI веке данная формулировка стратегически неприемлема. Если радикальная экономическая демократия должна в будущем прийти на смену капитализму, то её строительство должно начаться уже внутри обществ, находящихся под властью капитализма.

Данные четыре послышки представляют собой столпы, на которых основывается развитие марксистской традиции эмансипационных общественных наук в XXI веке. ■

Корреспонденцию направляйте Эрику Олину Райту <wright@ssc.wisc.edu>

> Феминизм против марксизма

Александра Шееле, Билефельдский университет, Германия, Штефани Вэль, Венский Университет прикладных наук — Институт профессиональной переподготовки, Австрия

Пирамида капитализма.

Уже несколько лет СМИ Германии и других стран говорят о «возрождении марксизма», подразумевая, что Маркс был близок к истине в своём анализе капиталистической системы и механизма финансового кризиса. Нередко вновь вспыхнувший интерес к Марксу объясняется тем, что кризис 2008 года продемонстрировал связь между мировым триумфом капитализма и общественными беспорядками, экологическими кризисами и тенденцией экономической системы к саморазрушению. На этом фоне работы Маркса снова представляются актуальными.

> Восполняя феминистский пробел возрождённого марксизма

Тем не менее, возобновившийся интерес общества к Марксу и его критике политэкономии практически никогда не обращается к феминистскому прочтению работ Маркса. Феминистский анализ никогда не был полноценной состав-

ляющей левых дискуссий о Марксе, так как не занимал ни левой, ни правой позиции по данному вопросу. С одной стороны, марксистский феминизм стремится разработать критический подход к социальным вопросам, учитывая при этом их гендерное измерение. Такой подход позволил бы анализировать глобальные последствия капиталистической эксплуатации ресурсов и уничтожения источников средств к существованию. Кроме того, данный подход позволил бы не только проанализировать отношения власти и доминирования как режимы накопления, но раскрывал бы их патриархатные корни. С другой стороны, марксистский феминизм критически относится к прежним и нынешним интерпретациям работ Маркса: они побуждают изменить все условия, порождающие неравенство и эксплуатацию, однако редко признают, что гендерные отношения также являются частью этих условий. Более того, проведение границы между производством и воспроизводством, а также разделение труда по половому признаку (о котором Маркс, по крайней мере, упоминает) чаще всего игнорируются и редко становятся предметом дальнейшего анализа.

> Феминистские позиции

Эти два критических аспекта остаются актуальными и в 200-й день рождения Маркса. В каких отношениях находятся патриархат и капитализм? В какой мере капиталистический способ производства является не только гендерно, но и расово дифференцированной системой? Каким образом культурно-символические формы угнетения взаимодействуют с другими формами угнетения в политике и экономике? Ниже мы приводим краткий обзор эволюции данной дискуссии.

> Производство и воспроизводство

Отношения между производством и воспроизводством по-прежнему остаются в центре феминистских дебатов. Женщины всего мира, как и раньше, больше времени посвящают неоплачиваемому домашнему труду и труду заботы, чем мужчины. Определение гендерного разделения труда как «естественного» маскирует тот факт, что данное положение вещей является неотъемлемым аспектом капиталистического производства, систематически обесцениваемым или обособляемым. Важное значение для феминистских дебатов также имеет глобальное разделение труда, в ходе которого происходит эксплуатация людей и природных ресурсов. Объектом постколониальной и макросоциальной феминистской критики, направленной против глобальных паттернов угнетения и эксплуатации, стало особое субалтерное позиционирование женщин на Глобальном Юге, интегрированных в глобальное производство и мировые цепочки заботы. Помимо этого, суррогатное материнство рассматривается не только как новая форма репродуктив-

Лига женских профсоюзов.
 Фото: Центр архивных документов
 по организации труда им. Т. Хила,
 Корнельский университет.

ных технологий, но и как форма международного разделения труда и эксплуатации. В данном контексте феминистский анализ также изучает, каким образом государство поддерживает структурные отношения власти в сфере труда и сексуальности, одновременно создавая структурные условия для социального воспроизводства. Согласно феминистскому подходу, социальное воспроизводство следует рассматривать в глобальном контексте, так как оно тесно переплетено с динамикой глобального рынка, финансовыми и миграционными режимами. Таким образом, глобальные экономические кризисы и связанные с этим процессы финансиализации влияют на условия, в которых предоставляются услуги социального воспроизводства. Так происходит, например, когда семьи лишены доступа к социальной инфраструктуре или вынуждены бороться с принудительным выселением, как это происходило в Европе и США после кризиса 2008 г.

Вслед за Нэнси Фрейзер мы утверждаем, что «кризисность» нынешней капиталистической ситуации, по сути, проистекает из трёх нерешённых проблем. Во-первых, это дисбаланс в отношениях между трудом производства и трудом воспроизводства. Во-вторых, это эксплуатация природных ресурсов. В-третьих, это изменения в сфере государственной власти в эпоху глобального капитализма. Помимо этих конфликтов, имеющих отношение к возможностям государства, для квир-феминистского анализа становится актуальным идеологическое измерение субъективации в условиях капитализма. В данном контексте необходимо продолжить дискуссию о том, стоит ли концептуализировать генеративность и социальное воспроизводство как гетеронормативные сферы, и если да, то каким образом.

> Альтернативы и сохраняющиеся проблемы

Однако остаётся множество спорных вопросов. Как разработать альтернативы капитализму? Кто станет следующим «революционным субъектом» (если мы не отказываемся от этого понятия), и откуда черпать потенциал для эмансипации? Например, стоит задуматься, подходят ли категории марксистской теории для описания проблем современности. Или же, как предполагает Ингрид Курц-Шерф, чтобы сделать видимым некоммодифицированный труд, нам необходимо мыслить о капитализме в узком смысле, а о политэкономии — в широком? Возможно, на

современном этапе в сфере некоммодифицированного труда, которая не подчиняется капиталистической логике, наконец, будет положен конец эксплуатации окружающей среды и человеческого труда. Габриэле Винкер и другие социальные учёные развивают теорию «революции заботы», который предлагает коллективную реорганизацию сектора заботы. Данный процесс предполагает отказ от капиталистической логики и устранение различий между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом.

Кроме того, постколониальные и феминистские подходы предполагают комплексный анализ перспективы субъекта. Это связано с тем, что носителем трансформирующей перспективы более не является тот субъект, о котором писал Маркс — белый западный классово определенный мужчина.

> Критика и неолиберализм в университетской науке

Однако неолиберализм, который влияет на производство знания, в том числе в университетской среде, ужесточил условия производства критического знания в целом и феминистской критики в частности. В процессе неолиберальной индивидуализации всё чаще возникает вопрос, смогут ли различные субъекты в принципе осознать, что у них есть коллективная воля к трансформации (и даже революции). В университетах феминистская критика постоянно сталкивается с андроцентризмом и, как и другие науки, оценивается по критериям практической полезности и прибыльности.

При данных обстоятельствах наша задача — продолжать развивать феминистско-марксистскую перспективу. Плюралистическая критика, на основе которой она сформировалась, одновременно служит источником дальнейшей маргинализации направления. Такое положение дел можно наблюдать как в университетской науке, так и в современном прочтении Маркса сторонниками левых взглядов, не осознающими своих андроцентричных предубеждений. ■

Корреспонденцию направляйте:
 Александре Шееле <alexandra.scheele@uni-bielefeld.de>
 Штефани Вёль <stefanie.woehl@fn-vie.ac.at>

> Маркс и государство

Боб Джессоп, Ланкастерский университет, Великобритания

Маркс не был автором всеобъемлющей критики государства как органа классового господства и политического процесса осуществления государственной власти. Более того, несмотря на то что его работы были настолько же политическими, насколько и теоретическими, он не предоставил подробного или последовательного анализа таких тем, как: нация, национализм и национальные государства; политические партии как формы организации; революционная стратегия и тактика (включая методы достижения социализма парламентским путём); форма «диктатуры пролетариата»; процесс объявленного им «отмирания государства» в будущем.

Это не значит, что Маркс (или Энгельс, его соавтор на протяжении всей жизни) оставлял без внимания подобные вопросы. Наоборот, они исследовали множество аспектов существования государства. Это включало в себя критику политической теории, аналогичную марксовской критике экономических категорий в классической и вульгарной политической экономии; исторический анализ развития классовой структуры и процессов изменения устройства отдельных государств; контекстуальный анализ отдельных политических периодов и/или значительных событий; анализ форм капиталистического устройства государства, хотя и сосредоточенный в основном на его связи с формой и логикой накопления капитала; исторический анализ государства (или аналогичных ему форм господства) при докапиталистических способах производства и разновидностей государственности в

современных обществах за пределами Европы и Соединённых Штатов; а также более стратегически ориентированные, политически мотивированные описания изменяющейся конъюнктуры, призванные задавать тон политическим дебатам в рабочем движении. Объектом их анализа также являлись внутригосударственные отношения, колониализм, баланс сил на международной арене и политика войны и мира.

Сделав упрощение для краткости изложения, мы можем выделить три главных представления о государстве в работах Маркса. В первом, пропагандистском прочтении государство предстаёт инструментом классового господства, применяемым с некоторой степенью успеха экономически господствующим классом с целью поддержания осуществляемой им экономической эксплуатации и политического контроля. Знаменитое выражение такого представления (обусловленное, впрочем, актуальными пропагандистскими и стратегическими целями) предстаёт перед нами в «Манифесте коммунистической партии», где исполнительная власть объявляется органом, действующим в интересах всей буржуазии. Если отбросить пропагандистский аспект и учесть ограниченность распространения коммунистической идеологии в Европе и Северной Америке на тот момент, это заявление было достаточно обоснованным. С расширением влияния коммунистической идеологии в 1870-х гг. ситуация усложнилась и потребовала включения в идеологическую повестку задачи построения социализма парламентским путём. В более историчном представлении государство рассматривается как потенциально

>>

независимый орган власти, способный регулировать классовую борьбу в интересах общественности или даже оказывать отвечающее интересам политической страты непосредственное влияние на её ход. Оно более всего известно благодаря вдохновившему многих анализу Марксом истории Франции 1850-х гг. — времён правления Луи Бонапарта. Он высказал ясное предположение, что Бонапарт создал преторианское государство, в котором армия, возглавляемая Бонапартом III, начала противопоставлять себя обществу вместо того, чтобы действовать в поддержку одной части общества и против остальных частей. Некоторые комментаторы предполагали, что первое представление характеризует обычные периоды классовой борьбы, а второе — «исключительные» периоды, во время которых классовая борьба заходит в тупик и/или угрожает социальной катастрофой. Такие предположения ошибочно считают пропагандистские представления о государстве серьёзным теоретическим анализом, который должен быть просто соотнесён с историческим контекстом.

Слабые места такого подхода становятся явными, если учесть третье представление, основой которого послужила ранняя марксова критика Гегеля — представление, которое Маркс разрабатывал на протяжении всей своей жизни и наиболее чётко выразил в комментариях по поводу Парижской коммуны 1871 г. Здесь государство предстаёт отчуждённой формой политической организации, основанной на разделении между правящими и подчинёнными. Это разделение принимает разные формы при разных классовых способах производства, в различные периоды капиталистического развития, и при разных типах капиталистического строя. Тем не менее, как Маркс писал во втором черновом варианте *«Гражданской войны во Франции»* (1871), государственная власть — «всегда власть, целью которой является поддержание порядка, то есть существующего общественного порядка, а, следовательно, подчинения и эксплуатации производящего класса классом присваивающим». Однако, как утверждает в третьем томе *«Капитала»*, форма суверенитета и политического господства связана с формой эксплуатации. При капиталистическом способе производства это обезличенное господство суверенного государства над населением, не подразумевающее прямого правления господствующих классов. Такой тип государственного устройства становится возможным благодаря тому, что эксплуатация реализуется посредством номинально свободного обмена на рынке труда (несмотря на деспотизм, проявляющийся в процессе труда), и, следовательно, определе-

ние классов происходит благодаря производственным отношениям, в которых нет места внеэкономическому принуждению или основанном на принуждении социальными связями. Благодаря этому становится возможным институциональное разделение экономических и политических черт эксплуатации и господства, при котором экономическая классовая борьба происходит в рамках рыночных отношений, а политическая классовая борьба — в рамках конституционного государственного устройства.

Тем не менее, такое положение шатко и находится в зависимости от институционализации определённого компромисса между классами. В работе *«Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»* Маркс выявил противоречие, присущее демократическому политическому устройству. Предоставляя избирательные права пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии, чьё подчинённое положение она призвана закрепить, демократическая конституция поддерживает социальное влияние буржуазии, становясь гарантом права частной собственности. Политическая стабильность сохраняется благодаря тому, что подчинённые классы не стремятся к социальной эмансипации вслед за политической, а буржуазия не настаивает на политической реставрации. Институциональное разделение экономики и политики и вызванные им противоречия объясняют, почему Маркс так редко обращается к чисто экономическим объяснениям развития конкретных политических режимов или политики конкретных государств. Это следствие того, что политика гораздо больше зависит от конкретной динамики политической борьбы, чем от непосредственной экономической ситуации. Соответственно, хотя Маркс и исследовал экономические ситуации, кризисы и противоречия, его более конкретный анализ также включает в себя внимательное исследование форм государственного устройства, политических режимов, политических дискурсов, баланса политических сил и так далее.

Второе и третье представления Маркса о государстве совершенно не противоречат друг другу и оказываются весьма полезными для сегодняшних исследований и политического анализа. Разумеется, для того, чтобы привести конкретные примеры и предложить марксистский комментарий усиливающейся интеграции мирового рынка, потребовалась бы более объёмная статья. Но изложенного выше должно быть достаточно, чтобы показать, каким образом можно развивать анализ Маркса. ■

Корреспонденцию направляйте Бобу Джессопу <b.jessop@lancaster.ac.uk>

> Капиталистическое *Landnahme*

Новый марксистский подход к праву

Гильерме Лейте Гонсалвес, Университет штата Рио-де-Жанейро (UERJ), Бразилия

Оригинальная работа филиппинского художника Боя Домингеса «Захват зелёных массивов». Акварель, акварельная бумага 20 x 30, 2011 г. JPS (Журнал палестинских исследований), специальный выпуск № 39(2), апрель 2012. Редакторы: Джеймс Фэрхед, Мелисса Лич и Иэн Скунес.

> Марксизм и право

Многое из того, что мы знаем о марксистской концепции права, основано на критическом анализе правовой формы, предложенном Евгением Пашуканисом. Отправной точкой этого анализа служит следующее утверждение: Маркс исходит из того, что в капиталистическом обществе социальность приобретает форму стоимости; из этого следует, что результаты конкретного труда реализуются посредством товарного обмена. Соответственно, предполагается, что владельцы товаров в равной мере обладают автономной волей. Эта воля может существовать только в качестве правовой формы. В свою очередь, именно правовая форма обеспечивает абстрактное равенство между различными формами конкретного труда и маскирует самовоспроизводство неравенства. Таким образом, право обретает черты фетиша.

Традиционная критика правовой формы предполагает анализ структуры законодательства, распространяемого на случаи, когда деньги трансформируются в капитал и производится прибавочная стоимость. Традиционная критика объясняет, почему господство становится абстрактным, каким образом маскируется присвоение труда непосредственного производителя товара, как обмен между равными воспроизводит неравенство. Однако сводится ли капитализм исключительно к этому циклу?

> Накопление и *Landnahme*

Чтобы капитал оставался капиталом, он должен постоянно валоризироваться. Для этого требуется больше труда, чем необходимо для производства товара, ведь для валоризации нужно дополнительно производить прибавочные труд и капитал. Этот процесс, никем не измеряемый, должен принимать во внимание возможные социальные условия реализации произведённой стоимости. Далее, происходит перенакопление капитала, подрывающее его прибыльность. На этой стадии капитал вынужден вторгаться в другие социаль-

ные пространства, чтобы обеспечить движение прибавочной стоимости и таким образом начать новый цикл валоризации. Данная динамика противоречит принципу равного обмена и, напротив, свидетельствует о том, что под давлением необходимости (ре)валоризации капитал способен производить захват пространств. Этот захват территорий представляет собой современную форму первоначального накопления.

В работах Маркса первоначальное накопление понимается как отправная точка становления капиталистического способа производства. Именно этот процесс отделяет производителей от средств производства, что ведёт к насильственной конфискации имущества социальных групп и возникновению класса людей, которые свободно продают свою рабочую силу. Роза Люксембург утверждает, что такой ход событий способствует развитию капитализма как такового. Поскольку лишь ограниченная часть прибавочной стоимости осваивается в том месте, где она произведена, система всегда должна обращаться к некапиталистическому внешнему пространству (*outside*), чтобы реализовать прибавочную стоимость полностью. Этот процесс сопровождается открытым насилием. Дэвид Харви, развивая данный аргумент, анализирует, как капитал преодолевает кризисы сверхнакопления посредством дальнейшего накопления, сопровождающегося незаконным присвоением собственности. На этом анализе базируется теория колониального захвата, или теория *Landnahme* (лэнднаме), предложенная Клаусом Дёрре. Согласно этой теории, капиталистическая экспансия представляет собой непрекращающуюся насильственную коммодификацию (превращение в товар) ещё не коммодифицированного внешнего по отношению к капитализму пространства (*commodification of the outside*).

На этапе *Landnahme* право приобретает иные свойства, отличные от тех, которые описывает Пашуканис. Как утверждает Люксембург, в процессе равного обмена «господствуют такие правовые формы отношений, как мир, собственность и равенство». Это означает, что «присвоение

чужой собственности становится правом частной собственности, эксплуатация представляется как товарный обмен, а классовое господство становится равенством». Совсем иначе обстоит дело при экспроприации некапиталистических пространств. Люксембург утверждает, что «в качестве методов правоприменения в этом случае господствуют колониальная политика, система международных займов, политика личных интересов и закон войны. В этом контексте совершенно открыто используются насилие, обман, угнетение и грабеж». Если кратко: закон приобретает форму эксплицитного легализованного насилия и явной инструкции по воспроизводству неравенства.

Таким образом, *Landnahme* развивается государством и предполагает насильственную трансформацию исторически сложившихся отношений собственности. Данная модель представляет собой результат правовых реформ, направленных на замещение коллективных и общинных отношений собственности системой частной собственности.

Кроме того, *Landnahme* предполагает реструктуризацию колонизованного пространства. Местное население выселяется; будучи насильственно перемещенными из привычного для них общего или публичного пространства, эти люди становятся «свободными» наёмными работниками и вынуждены встраиваться в производственную цепочку в новой роли. Соответственно, помимо того, что право является инструментом экспроприации публичного и общего пространства, оно также облегчает контроль над экспропрированными людьми.

> Landnahme и право

Социально-правовое воспроизводство *Landnahme* происходит в три этапа:

1) Правовое конструирование инаковости

Этап правового конструирования инаковости представляет собой символический процесс, который подразумевает создание дискурсивной характеристики некапиталистического чужого (*outside*) как девиантного и неполноценного Другого. Основным инструментом этого процесса являются права человека.

Универсальный характер прав человека предполагает существование имманентных ценностей, изначально присущих человеческой природе, в соответствии с чем утверждается, что все люди заслуживают равного обращения и что правовая защита общечеловеческих ценностей имеет универсальный характер. Таким образом, если верно то, что индивиды сами по себе являются носителями ценностей гуманизма, однако их действия зависят от других факторов и могут быть направлены против прав человека, задачей прав человека становится борьба с девиантами. Таким образом формулируются основания для установления критерия справедливости, который применялся бы для оценки социальных практик.

В условиях глобального капитализма данный дискурс порождает пространственную иерархию: с одной стороны существуют цивилизованные пространства с современной рационализацией; с другой — изолированные области, для которых характерны социальная несправедливость и иррациональность норм. Однако данная полярность, по сути, служит отражением существующих в обществе отношений власти. В этом смысле критерием справедливости выступает универсализированное мировоззрение правящего класса, который использует его, чтобы навязать свои личные интересы. Таким образом, гуманистический дискурс становится

двигателем внешнего вмешательства и колонизации.

2) Правовые инструменты приватизации

Когда *внешнее (outside)* приобретает характеристику *другого*, может произойти его коммодификация. Для ускорения этого процесса право разрабатывает инструменты передачи государственной, коллективной или общественной собственности в руки частных акторов. Данные инструменты облегчают дерегулирование, приватизацию и открытие того или иного сектора для глобального рынка. При этом задействуются различные институциональные схемы: продажа активов, открытых акционерных компаний или земельных участков; частно-государственные объединения; передача имущества государственных служб или права управления ими частным компаниям и др. Все эти схемы являются законодательно разрешённым воровством, в ходе которого государство под эгидой общественной полезности выселяет людей с земли и реструктурирует территорию для создания стоимости.

3) Уголовное право

Анализируя «кровавое законодательство» (*bloody legislation*), Маркс описывает применение уголовного права сопряжённое с обезземеливанием и выселением крестьян. Будучи изгнаны со своей территории, крестьяне получили право продавать свою рабочую силу капиталистам, однако они ещё не были полностью поглощены промышленной экономикой. Социализация этих крестьян происходила в принципиально иной среде, они имели иной практический опыт, а значит, входили в конфликт с новыми паттернами работы и новым жизненным укладом. Приспособиться к новой ситуации этих людей вынудили репрессивные законы о запрете бродяжничества.

Данный функциональный паттерн уголовного законодательства повторяется и в процессах, связанных с *Landnahme*. Здесь часто применяются правовые техники, облегчающие приватизацию общих пространств, разрушающие коллективный характер и общность социальных групп и местного населения, «освобождающие» индивидов, с тем чтобы они продавали свою рабочую силу капиталистам. Когда они, наконец, «освобождены», в дело вступает уголовное право, которое применяется для того, чтобы дисциплинировать работников. В современном контексте это означает дисциплинарное регулирование прекарных и гибких трудовых отношений. Происходит криминализация бедности, в результате чего люди вынуждены стать частью прекарной системы наёмного труда.

> Заключение

Существует два связанных между собой аспекта социально-правового воспроизводства капитализма. В условиях цикла равного обмена право выступает в форме абстрактного равенства и свободы, непосредственно связанных с товарным фетишизмом. В условиях экспансионистского капиталистического цикла право обретает форму открытого узаконенного насилия в трёх вышеописанных проявлениях. Учитывая тот факт, что цикл равного обмена приводит регулярно к возникновению проблемы перенакопления, он всегда достигает болезненной точки, где вновь требуется экспроприация и захват ещё не коммодифицированного внешнего — чужого (*outside*). Таким образом, социально-правовое воспроизводство капитализма воплощается посредством постоянного переключения между фетишистской правовой формой и открытым узаконенным насилием. ■

Корреспонденцию направляйте Гильерме Лейте Гонсальвесу <guiherme.leite@uerj.br>

> Маркс и социология в Индии

Сатиш Дешпанде, Делийский университет, Индия

Приимерно с середины двадцатого века только в англо-американской части западного мира политический марксизм был в тени академического. Почти во всём мире (а не только в Восточной Европе или странах бывшего Советского Союза) дело обстояло иначе: марксизм был гораздо более значим как политическая идеология, а не как часть научного дискурса. И поэтому, когда мы пишем о странах, не относящихся к западным, рассмотрение темы «Маркс и социология» должно происходить в более широком макро-социальном контексте.

Коммунистическая партия Индии (КПИ), основанная в период между 1920 и 1925 г., была второй по величине партией из участвовавших в первых трёх всеобщих выборах в 1952, 1957 и 1962 гг., хотя по результатам выборов ей досталось менее 30 мест (при этом более 360 мест заняли члены партии «Индийский национальный конгресс»). Тем не менее, в 1957 г. КПИ удалось сформировать первое в мире избранное демократическим путём коммунистическое правительство в южном штате Керала (население которого сегодня насчитывает 33 млн человек). Правительство, представляющее КПИ(М), Марксистскую коммунистическую партию Индии (отколовшуюся от КПИ в 1964), постоянно переизбиралось на протяжении 34 лет (с 1977 по 2011 гг.) в восточном штате Западная Бенгалия (население — 91 млн). Однако впоследствии роль коммунистов в электоральном процессе сократилась, и сегодня влияние коммунизма главным образом выражается в непрекращающемся вооружённом конфликте между властями Индии и коалицией маоистских организаций, пользующихся поддержкой племенных этнических групп, живущих в лесистых областях центральной Индии, в основном в штате Чхаттисгарх (население — 26 млн). Менее весомый источник влияния — студенческие организации, связанные с марксистскими партиями или движениями.

Марксизм значительно повлиял на индийскую университетскую науку. При этом гораздо отчётливее его следы проявляются в истории, экономике и политологии, чем в социологии. Среди социологов-марксистов особое значение имеют работы трех учёных; все они были президентами Индийского социологического общества (или организаций-предшественниц Индийского социологического общества).

Самый старший из них — Дхурджати Прасад Мукерджи (1894–1961), авторитетный мыслитель, преподававший на кафедре экономики и социологии в Лакхнауском университете с 1922 по 1954 г. Мукерджи в основном интересовался марксистским методом, который стал темой его книги «История Индии: исследование метода» (*On Indian History: A Study in Method*, 1945). Он называл себя «марксологом», а не марксистом, чтобы подчеркнуть ограничения марксистской доктрины, не позволяющие ответить на специфические вопросы, присущие индийской действительности.

Акшай Раманлал Десаи (1915–1994), на мой взгляд, внес наибольший вклад в развитие марксистской социологии в Индии. Десаи стал участвовать в жизни научного сообщества сравнительно поздно, а до того занимался организаторской деятельностью в националистических, марксистских, и наконец, троцкистских политических организациях (членом которых оставался до конца жизни). Его докторская диссертация по социологии, защищённая в Бомбейском университете, была опубликована в 1948 г. под названием «Социальные основания индийского национализма» (*The Social Background of Indian Nationalism*) и по сей день остаётся классической работой, выдержавшей шесть редакций, двенадцать переизданий и переведённой на множество языков народов Индии. В книге «трактовка

“ Почти во всём мире марксизм был гораздо более значим как политическая идеология, а не как часть научного дискурса ”

истории с позиций материализма» служит для того, чтобы связать вызванные колониализмом экономические преобразования с социокультурными и политическими изменениями, в конечном итоге породившими национализм. Утверждение Десаи о том, что капитализм начал развиваться уже в колониальный период, расходилось с принятым в КПИ и КПИ(М) представлением о том, что индийское общество всё ещё остаётся «полуфеодальным». Помимо национализма, его книги также были посвящены тяготам жизни крестьян и земледельцев в Индии; Десаи также принадлежат работы, посвященные правам человека и их нарушению. Учёный начал работать на кафедре социологии в Бомбейском университете в 1951 г. и возглавил её в 1969 г. В целом, его вклад можно охарактеризовать как попытку создать марксистскую социологическую школу в Индии и продвижение марксистского подхода среди своих учеников и коллег.

Дататрея Нараян Дханагаре (1936–2017) учился вместе с британским социологом-марксистом Томом Боттомором в Сассекском университете и большую часть своей карьеры занимался преподаванием в Университете Пуны в Индии. Наиболее известные работы Дханагаре посвящены общественным движениям. Среди них особенно значимы монографии «Крестьянские движения в Индии» (*Peasant Movements in India*, 1983) и «Популизм и власть» (*Populism and Power*, 2015). Дханагаре и его ученики внесли значительный вклад в популяризацию классового анализа в индийской социологии.

Более популярным марксистское прочтение было в исторической науке (где оно преобладает до сих пор) и в экономике (где оно представлено меньшинством, но весьма заметным). Международное признание получили так называемая «дискуссия о способе производства» и работы школы *Subaltern Studies* (см. далее).

С конца 1960-х до начала 1980-х целое поколение учёных (в основном экономистов) участвовало в дискуссии, посвященной способу производства в сельском хозяйстве Индии начиная с колониального периода. В индийских дебатах основное внимание было сосредоточено на специфике переходного периода от феодально-колониальной аграрной системы, по примеру дебатов

Мориса Добба и Пола Суизи о переходе от феодализма к капитализму в Европе. Теоретический уровень дискуссии о сущности сельскохозяйственного капитализма в Индии поднялся на новую ступень благодаря эмпирическим исследованиям, посвященным таким темам, как: сравнение труда наёмных работников и членов семьи земледельца; противопоставление производственного и внепроизводственного способа использования прибыли; роль внеэкономических форм принуждения в отношениях труда и капитала; интерпретации категории «колониальный способ производства»; марксистское различие формального и реального подчинения труда капиталу в контексте индийского общества.

Группа учёных, деятельность которых в период с начала 1980-х до 2000-х получила название *Subaltern Studies* («Исследования подчинённых и подчинения»), предприняла попытку критики марксистской историографии и в особенности ее применения к пониманию индийского национализма. Исследователи, утверждающие, что эта историография сосредотачивает внимание на элите и игнорирует подчинённые классы, выдвинули грамшианскую интерпретацию национализма элит как режима «господства без гегемонии», отличающегося «безуспешными попытками индийской буржуазии говорить от лица нации» и слабой мобилизацией подчинённых классов. Представители этого направления сосредоточили внимание на социальной и культурной истории и различных формах народного сопротивления и мобилизации. На сегодняшний день это академическое сообщество распалось и не представляет собой единого целого, однако, его члены продолжают активно заниматься научной и интеллектуальной деятельностью.

Наконец, изучение марксизма прочно вошло в курс различных общественных наук в индийских университетах (в последнее время, впрочем, это больше не касается экономики). Сегодня в Индии марксизм не теряет своей значимости, но чаще принимает более диффузные и гибридные формы, вторя в этом мировым тенденциям общественной мысли. ■

Корреспонденцию направляйте Сатишу Дешпанде <sdeshpande7@gmail.com>

> Маркс в двадцать первом веке

Мишель Уильямс¹, Витватерсрандский университет, Южно-Африканская Республика; член ИК МСА по вопросам экономики и общества (ИК02) и ИК МСА по рабочим движениям (ИК44)

Переосмысление пересечения между расой и классом в рамках марксистской теории?

Размышления Маркса об освободительной и порабощающей сторонах капитализма уже 150 лет вдохновляют учёных, политиков и активистов по всему миру; они породили марксизм как интеллектуальную традицию. Немногие из мыслителей и радикалов оказали такое влияние на мир, к их числу можно отнести разве что Адама Смита, Чарльза Дарвина, Махатму Ганди, Иисуса Христа, пророка Мухаммеда и Будду.

Марксизм стремился *понять* и *объяснить* капитализм, а вместе с тем — *сопротивляться* ему и *изменять мир*. Другими словами, марксизм внёс свой вклад в двух направлениях: 1) как система представлений, анализирующая динамику капитализма; и 2) как идеология и руководство к действию для политических движений. Двадцатый век изобилует марксистскими движениями, организациями и государствами, распространившимися на большой части планеты.

> Влияние идей Маркса

Начнём с влияния идей Маркса. Его идеи, его работа как первопроходца в отношении социального исследования природы современного капитализма оказали влияние на современную социальную теорию. Его влияние распространяется на многие области обществознания,

охватывая социологию, политику, экономику, СМИ, философию, антропологию и международные отношения, а также естествознание (включая географию и информационные технологии) и гуманитарные науки (включая искусство, риторику, литературоведение, педагогику). После экономического кризиса 2008 г. даже мейнстримовые экономисты публично признали, что Марксов подход к капитализму может многому нас научить. Маркс представляет глубочайший анализ капитализма, но его учение покоряет воображение левых не только этим. Представления Маркса (как высказанные открыто, так и подразумеваемые) о грядущем посткапиталистическом устройстве послужили источником вдохновения для наиболее важных и разработанных в теоретическом отношении размышлений о социализме в двадцатом веке и продолжают быть источником вдохновения для размышлений о социализме в двадцать первом веке, например, в Латинской Америке.

Ещё один аспект влияния Маркса — воздействие его учения на политические движения. Большинство предлагавшихся в двадцатом веке альтернатив капитализму были вдохновлены идеями Маркса о грядущем посткапиталистическом устройстве. История изобилует примерами вдохновлявшихся марксизмом движений, но, к сожалению, многие из подобных экспериментов оказались связаны с авторитаризмом, притеснениями, эксплу-

>>

атацией и даже геноцидом. Практические воплощения марксизма также оказывались связаны с сексизмом, расизмом и поддержкой колониальной политики. Мы также видим сегодня, как Китай и Вьетнам переходят к рыночному капитализму, прикрываясь словами о «государственном социализме». Мы не можем игнорировать или отрицать такие исторические свидетельства.

Однако, помимо этого, Маркс и марксизм стали источником вдохновения и для передовых движений и способствовали объединению людей всего мира. Примерами инноваций могут служить Советы времён Октябрьской революции в России, антиколониальные движения, а также солидарность кубинского народа с освободительным движением в ЮАР и его участие в непримиримой и кровопролитной битве с режимом апартеида в Анголе. Наследие Маркса ярче всего выразилось в том, как его идеи вдохновили и мобилизовали людей к размышлению о посткапиталистическом мире и борьбе за установление такого общества, в котором больше равенства, справедливости, спокойствия, т.е. общества, свободного от эксплуатации и всех видов угнетения.

Сегодняшнее усиление позиций постмодернизма с его антимарксистскими представлениями о власти, социальной дезадаптации, нестандартной занятости, неравенстве и маргинализации возвращает значимость марксистскому анализу. Нынешнее возрождение марксизма — это не просто возвращение к пониманию этого учения образца девятнадцатого или двадцатого века. Чтобы марксизм выдержал испытание временем, следует воздержаться от догматичного, пуристского прочтения марксистских текстов и не ограничиваться тезисом о роли «авангарда революции» в политических практиках. Наследие Маркса продолжает жить благодаря нашим постоянным обновлениям и доработкам его теории, необходимым для того, чтобы она продолжала облегчать задачу понимания мира, в котором мы живём. Подобно тому, как феминизм в 1970-х годах, наследуя марксизму, выдвинул теоретические представления о социальном воспроизводстве, интерсекциональности и различных системах угнетения, нам необходимо применять идеи Маркса и марксистов при рассмотрении современных вопросов расовой принадлежности, гендера, сексуальной ориентации, важности демократии для эмансипации общества, тяжёлой экологической ситуации и глобально-кризиса капитализма.

> Случай Южно-Африканской Республики

Одна из самых крупных и сложных для решения задач, стоящих перед ЮАР, — это действенное включение марксизма в обсуждение вопросов расовой принадлежности и расизма после апартеида. Неприспособленность марксизма к обсуждению подобных вопросов является следствием того, что поначалу марксизм рассматривал расовую принадлежность как социальный конструкт и порождение ложного сознания. Расовый вопрос на протяжении двадцатого века постоянно поднимался в дискуссиях о национальностях в контексте таких событий,

как падение Британской Империи, революция в России, деколонизация и борьба с режимом апартеида. По мере того как марксисты обращались к рассмотрению расового вопроса, они по большей части сосредотачивали внимание на взаимосвязи расовой принадлежности и класса, зачастую сводя расовую принадлежность к классовой, а расизм — к его функции в системе капиталистического накопления. Марксисты утверждают, что расизм разделяет рабочий класс, а бороться с ним необходимо, укрепляя солидарность среди трудящихся. Марксизм предполагает, что классовая солидарность рабочих должна возобладать над проявлениями расизма.

Более подробный теоретический анализ исследует интерсекциональное переплетение расовой и классовой принадлежности с учётом исторического контекста, проводя различия между докапиталистическим и капиталистическим способами производства. В ЮАР вопрос проведения различий между расовой и классовой принадлежностью стал особенно актуален в связи с системным политическим угнетением по принципу расовой принадлежности при режиме апартеида, сочетавшимся с капиталистической эксплуатацией. Однако, несмотря на падение режима апартеида, сценарии расового угнетения в современной Южно-Африканской Республике продолжает воспроизводить капитализм, одновременно и размывающий, и возвращающий в обиход различные формы расового угнетения. Чтобы понять, как и почему в ЮАР и многих других странах мира продолжается расовое угнетение в условиях глобального капитализма, необходим новый тип марксистского анализа, который начал появляться только сейчас.

> Заключение

Идеи Маркса и марксистов останутся актуальными в двадцать первом веке, если мы будем достаточно смелыми, чтобы подробно рассмотреть, преобразить и переформулировать их с учётом специфики современности. Новые антикапиталистические движения уже занимаются подобной практикой, сочетая «поставангардный» марксизм с другими антикапиталистическими традициями, такими как феминизм, экология, анархизм, антирасизм, с демократическими традициями и традициями коренных народов. Эти движения не стремятся найти законченную идеологическую программу или революционный авангард, который должен будет повести их за собой, а разделяют убеждённую в том, что возможен и другой мир, построенный руками обычных людей, внедряющих демократические, эгалитарные, экологические и системные альтернативы капитализму. И это вполне в духе исследовательской деятельности самого Маркса! ■

¹ В основе данного эссе лежат две статьи: Satgar V., Williams M. *Marxism and Class* / Kathleen Korgen (ред.) // *The Cambridge Handbook of Sociology*. 2017. Cambridge: Cambridge University Press; Williams M. *Introduction* / Michelle Williams, Vishwas Satgar (ред.) // *Marxisms in the 21st Century: Crisis, Critique & Struggle*. 2013. Johannesburg: Wits University Press.

Корреспонденцию направляйте Мишель Уильямс <michelle.williams@wits.ac.za>

> Маркс и Глобальный Юг

Раджу Дас, Йоркский университет, Канада, член ИК МСА по вопросам экономики и общества (ИК02), **Дэвид Фэйзенфест**, Университет Уэйна, США, казначей ИК МСА по вопросам экономики и общества (ИК02)

Карл Маркс, живший 150 лет назад в Европе, активно участвовал в политической жизни родного континента; его работы в основном касаются Европы. Учёные подсчитали, что из тысяч написанных Марксом страниц лишь около четырёхсот посвящены неевропейским обществам: в основном это журналистские статьи об Индии, Китае и Османской империи, написанные с позиции британской внутренней политики. Какую же ценность представляют его идеи для современного Глобального Юга (далее по тексту — Юга), где в странах, гораздо менее экономически развитых, чем Европа и промышленный Север, проживает большая часть мирового населения?

Отложим в сторону вопрос об эпохе, когда Маркс писал свои труды, и проблему географической направленности капиталистического развития. Мы предлагаем более дифференцированный диалектический подход к актуальности работ Маркса для Юга. При этом нам, прежде всего, следует избегать двух опасностей: первая из них — утверждение о региональной исключительности (абсолютизация специфики Юга), вторая — европоцентристский универсализм (механическое применение идей Маркса к Югу, основанный на представлении о том, что Юг — это более тёплая версия Европы или попросту «поздняя Европа»). Мы отвергаем утверждение о том, что актуальность Маркса ограничена пространственно-временными координатами, в которых жил мыслитель, а, следовательно, для стран Юга Маркс неактуален. Именно такого взгляда придерживаются теоретики постколониализма и постмодернизма, заявляя, что регионы Юга кардинально отличаются от Европы. Несомненно, не все марксистские идеи сохраняют актуальность для Юга, но многие аспекты его работ, тем не менее, оказываются справедливыми и там.

В фокусе анализа Маркса находится Европа, поскольку именно здесь зародился капитализм как система. При этом Маркс был далек от утверждения, что европейский опыт является совершенно уникальным. Можно с уверенностью заявить, что в Азии и странах Третьего мира

труды Маркса получили гораздо большее признание и практическое развитие, чем в Европе.

Идеи Маркса можно классифицировать как по признаку социальных отношений, так и по географическому признаку. С точки зрения первой классификации, теоретические концепции Маркса охватывают все формы классового общества, от докапиталистической формы классового общества до общества развитого капитализма. Действительно, некоторые идеи Маркса справедливы лишь для развитого капитализма в той форме, в какой он появился в Европе в XIX в. Однако, с точки зрения второй классификации, тезисы учёного, касающиеся европейского развитого капитализма, могут иметь актуальность и для Юга — в той степени, в какой на Юге развиты капиталистические отношения.

Идеи Маркса как сумма интеллектуальных трудов отражают и пропагандируют радикально-демократическое, антикапиталистическое социальное изменение всех форм классового общества, в том числе искоренение глубинных предрассудков и материальных практик, направленных против угнетаемых групп, таких как женщины и расовые меньшинства. Марксистская политическая экономия капиталистического общества охватывает множество аспектов: экономику, государство, культуру, экологическую трансформацию, а также содержит некоторые соображения по поводу революционной политической практики.

Для Юга, где потребности большинства жителей по-прежнему не удовлетворены, актуальным является фокус работ Маркса на материальной стороне жизни. Диалектический материализм предлагает взглянуть на страны Юга с точки зрения насущных материальных проблем (нехватка продовольствия, жилья, одежды и пр.), рассмотреть характерные для региона противоречия, внутреннюю связь стран Юга с империалистической системой и т. д. Поскольку исследования Юга были сформированы постколониализмом/постмодернизмом, а эти течения скептически относятся к марксистскому

>>

“Мы отвергаем утверждение о том, что актуальность Маркса ограничена пространственно-временными координатами, в которых жил мыслитель, а следовательно, для стран Юга Маркс неактуален”

наследию, необходима разработка встречной критики постколониального взгляда на Юг, и мы предлагаем положить в её основу философские идеи Маркса. По Марксу, человеческие существа являются частью природы и обладают материальными и культурными потребностями. Чтобы удовлетворить эти потребности, людям необходимо взаимодействовать с природой и друг с другом. Люди производят материальные продукты для удовлетворения своих нужд, используя свой труд и средства производства; наличие средств производства в конечном счете, основано на природных ресурсах. Продукты труда создаются в контексте социальных производственных отношений. По мере развития производительных сил образуется прибавочная стоимость, а вместе с ней — классовая борьба за неё и потенциал классового неравенства. В классовом обществе, как на Юге, так и на Севере, большинство работников, свободных и несвободных, вовлечены в прибавочный труд. Как заметил Маркс в первом томе «Капитала»:

Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства, будет ли этим собственником <...> рабовладелец <...> или современный лендлорд или капиталист. (Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 23. — Directmedia, 2015. — С. 246)

Несмотря на то, что эмпирические примеры, приведённые Марксом, имеют европейское происхождение, его подход к капитализму фактически является глобальным, интернационалистским. Предпосылкой возникновения капитализма является мировая торговля; при этом Маркс указывает, что основу международных торговых отношений составляет товарное производство, а когда отношения укрепляются, их продолжает формировать товарооборот. Современная история капитала отсчитывается именно от начала всемирной торговли и от возникновения общемирового рынка. По сути, мировая география рынка, являющаяся необходимым условием

существования капитализма, одновременно превращает капитализм в глобальный феномен.

Прежде всего, в марксистском ключе страны Юга следует рассматривать как общества, объединённые тремя историческими характеристиками. Во-первых, это страны, в которых демократические революции или аграрные революции против феодальных отношений были прерваны в процессе их осуществления. Во-вторых, страны Юга объединяет опыт свёрнутых на полпути национальных (или антиимпериалистических) революций. В третьих, антикапиталистическая революция в этих странах либо потерпела неудачу, либо вовсе не состоялась. Капитализм стран Юга испытал глубокое влияние империализма; капиталистическая общественная формация Юга, по всей вероятности, пронизана пережитками феодализма, а в основе некоторых форм товарного производства в странах Юга лежат отношения, отличные от наёмного труда и восходящие к коллективным традициям коренных народов.

В заключение отметим, что идеи Маркса получили множество сценариев развития на Глобальном Юге, в постсоветских обществах и в других развивающихся рыночных экономиках. Эти варианты марксистской теории бросают вызов европоцентричному пониманию социальных изменений и сопротивления капиталистической системе. Существуют различные виды регионального марксизма: африканский, азиатский, латиноамериканский, индийский, китайский; последний уже преподаётся в школах марксизма при ведущих университетах Китая. Процветают марксистские исследования международного развития, империализма, аграрных изменений и т. д. Всё это демонстрирует, что работы Маркса актуальны для изучения проблем Юга. Это также подтверждается институционализацией марксистских идей в форме журналов марксистской направленности, издающихся на Юге или же посвящённых проблемам Юга. ■

✉Корреспонденцию направляйте:
Дэвиду Фэйзенфесту <david.fasenfest@wayne.edu>
Раджу Дасу <rajudas@yorku.ca>

> Классовое неравенство и социальная борьба в Китае

Дженни Чань, Гонконгский политехнический университет, член ИК МСА по рабочим движениям (ИК44)

Работа на китайской почте.
Фото: Дженни Чань.

Ночью 18 ноября 2017 года при пожаре на южной окраине Пекина погибли девятнадцать человек, восемь из них — дети. Двухэтажное здание с подвалом было поделено на крошечные комнаты и забито жильцами, снимавшими их задёшево. Вместо того чтобы предоставить помощь пострадавшим и выжившим, правительство начало изгонять десятки тысяч людей «низшей категории» (低端人口 — таково их официальное уничижительное название) из столицы Китая. Этот пожар стал причиной масштабной общегородской проверки соблюдения правил техники безопасности и сноса незаконных построек — сдаваемого внаём жилья, фабрик, складов, рынков, школ, закусочных и магазинов, что повлекло за собой негативные последствия для находящихся на обочине общественной жизни людей и семей. Массовое выселение, уже не первое и, скорее всего, не последнее, вызвало протесты со стороны гражданского общества, хотя ведущие китайские СМИ быстро перекрыли протестующим возможность высказаться. Хотя позиции Китая на мировой арене укрепились, малоимущие граждане, ютящиеся на окраинах города «высшей

категории», продолжают сталкиваться с большими трудностями в попытках улучшить свои условия труда и жилищные условия. Китайскому государству непременно придётся ответить за свои высказывания и за то, что в непрекращающейся погоне за «китайской мечтой» оно не принимает во внимание страдания народа.

> Производство и социальное воспроизводство китайских мигрантов из сельской местности

Стремительное накопление капитала в Китае на протяжении последних четырёх десятилетий в значительной степени опиралось на труд мигрантов, переезжающих в города из сельской местности. По официальным подсчётам около 282 млн мигрантов из сельской местности нашли работу в промышленности, сфере услуг и строительстве в крупных и небольших городах по всей стране: это на 50 млн больше, чем было в начале процесса восстановления экономики в 2009 г., и эта цифра составляет одну пятую всего населения Китая. Администрации городов ввели «систему баллов», позволяющую некоторым мигрантам из сельской местности, в

>>

Логистика на местах в Китае.
Фото: Джинни Чань.

особенности крупным предпринимателям, регистрироваться в качестве городских жителей: при этом учитывается то, смогут ли потенциальные горожане приобрести жильё, какой специальностью они владеют и какое получили образование. Несмотря на это, даже спустя годы работы и жизни в городе подавляющее большинство мигрантов и их детей, получивших не самое лучшее образование, остаётся гражданами второго класса. Они продолжают считаться сельскими жителями, их доступ к государственному образованию ограничен, субсидия в области здравоохранения и пособия по старости на них не распространяются, что позволяет снизить стоимость их рабочей силы.

Низкооплачиваемые трудовые мигранты зачастую заселяют в общежития, что позволяет работодателям сократить издержки и создать такие условия, при которых рабочие будут проводить большую часть своего свободного времени, готовясь к следующей смене. Социальные и территориальные границы между работой и жизнью размываются, что облегчает предприятиям задачу выполнять плановые задания, потому что рабочих подспудно подталкивают к сверхурочному труду. Многофункциональная архитектура «всё в одном», характерная для производств, складов и жилья в первых индустриальных районах китайских городов, до сих пор распространена в современных городах, где проживает большое количество трудовых мигрантов-рабочих из сельской местности.

Стремясь обеспечить себе хоть малую толику личной свободы, рабочие начинают снимать отдельное жильё, как только могут себе это позволить, и покидают общежития, которые, как правило, находятся под контролем руководства предприятий. Зачастую новым жильем оказываются комнаты с невысокой арендной платой, в которых нет окон или есть лишь маленькое оконце (хоть какая-то связь с внешним миром). Некоторые помещения кишат комарами, крысами и тараканами. Предоставляемые коммунальные услуги и их оплата варьируются достаточно сильно. Поскольку цены на жильё в мегаполисах взлетели до небес, зарплата работников уходит в карман арендодателям.

Мигранты-рабочие занимаются, в числе прочего, доставкой еды, работают курьерами, водителями машин в службах типа Uber, убирают квартиры, участвуя в росте ВВП Китая и увеличивая таким образом долю граждан, занятых в сфере услуг, а не на промышленном производстве. В ходе продолжающегося развития цифровой экономики благодаря цифровым платформам и приложениям создаются десятки миллионов новых, «легко модифицируемых» рабочих мест. Однако вольнонаёмные работники недостаточно защищены государственным законодательством в трудовой сфере.

Гарантии занятости и стабильность дохода для них минимальны. После закрытия незарегистрированных предприятий и общежитий, последовавшего за гибельным пожаром, в центре общественного внимания оказалась низкая степень защищённости теневых работников сферы услуг и их детей, а также условия труда трудовых мигрантов, работающих в других секторах занятости. Некоторым из них пришлось платить более крупные суммы за аренду временного жилья, чтобы спастись от мороза, а для некоторых единственным вариантом осталось покинуть город.

Внутренние мигранты в Китае уже давно становятся объектами «зачисток», проводимых городской администрацией. В ходе ускорившихся процессов «развития» и экономической трансформации усилилось наступление городов на сельскохозяйственные угодья и деревни. Огромное количество деревенских жителей оказалось перемещено, лишено возможности вернуться и обрабатывать землю. Безземельные рабочие низкой квалификации, лишившиеся приусадебных участков в родных деревнях, сталкиваются с дополнительными трудностями: работодатели менее охотно берут на работу деревенских жителей, потерявших возможность прокормить себя, возделывая собственный участок, поскольку им из-за этого придётся повышать заработную плату. Организации, работающие в сельской местности, в особенности строительные предприятия, привязанные к определённым регионам страны, отказываются нанимать рабочих из числа обезземеленных крестьян, потому что им приходится выплачивать аванс, чтобы те смогли хоть на что-то жить — ещё до того, как с ними рассчитаются за работу, что обычно происходит по завершении проекта. Положение безземельных трудовых мигрантов — самое тяжёлое среди всех категорий безработных.

> Помогут ли межклассовые союзы изменить систему?

Состояние природных ресурсов и положение наемных работников неразрывно связаны с накоплением капитала: чем быстрее происходит накопление капитала, тем шире масштабы экспроприации природных ресурсов и подчинения труда. Лишение прав собственности на землю и пролетаризация — прямые следствия притока капитала в Пекин и не только. При содействии региональных властей и чиновников масштабом поменьше крупные транснациональные корпорации выжимают прибыль из земель сельскохозяйственного назначения и из самих трудящихся — как селян, так и горожан. Локальные рабочие движения не в силах противостоять мировому капиталу и китайской государственной машине на всех уровнях одновременно.

Нынешний период краткосрочных протестов в отдельных, разрозненных очагах сопротивления в приморских и центральных районах Китая должен перерасти в нечто большее, порождая новые внутриклассовые и межклассовые союзы и устраняя разрыв между городом и деревней, приводя к созданию общественного движения с более широкой социальной базой. Нам как учёным и активистам необходимо укреплять связи с прекариатом и другими классами общества для участия в борьбе за права трудящихся и социальную справедливость. Безопасность на рабочем месте и приемлемые жилищные условия не придут просто так, за них придётся отчаянно бороться. ■

Корреспонденцию направляйте Джинни Чань <jenny.wl.chan@polyu.edu.hk>

> Сравнительное исследование публичных и частных университетов Индии

Нихарика Джайсвал, Нью-Дели, Индия

Маркетизация университетов наносит ущерб государственному образованию не только в Индии, но и во всём мире.

В Индии с приходом политики неолиберализма, ростом экономики знаний и появлением частных поставщиков образовательных услуг глобальные сети и частный сектор получили возможности диктовать, какие именно знания являются «востребованными». Представление об образовании как «общественном благе» замещается представлением об образовании как «предмете частного потребления». Университеты преподносятся как «бренды», предлагающие «востребованные на рынке курсы подготовки». В рамках этого дискурса гуманитарные науки считаются «не приносящими дохода», что вынуждает ради сохранения таких дисциплин, как социология, заниматься их переизобретением.

Несмотря на то, что эта широко распространённая тенденция к маркетизации является общеизвестной, гораздо менее известен тот факт, что и публичные (спонсируемые государством), и частные университеты переходят к схожим практикам. И это сближение поднимает вопрос о том, какой смысл имеет термин «публичный университет» в либерализованном, приватизированном и глобализованном демократическом обществе. Мои выводы делались на основе сравнительного анализа структуры и содержания учебных курсов социологии в двух публичных университетах — Делийском Университете (ДУ) и Университете им. Амбедкара (УА), а также в частном Университете Шива Надара (УШН) в Дели.

>>

ДУ был основан в 1922 г. Особенно важно то, что с 2012 г. учебная программа в нём несколько раз реформировалась: от круглогодичного обучения сперва перешли к семестровой системе, от неё — к четырёхлетней программе бакалавриата (ЧПБ), и наконец — к системе с рейтингом успеваемости и выбором предметов (РУВП) в 2015 г. УА — государственный университет, основанный в 2010 г. В нём преподаются исключительно гуманитарные и социальные науки. УШН открылся в 2011 г. Несмотря на то, что три этих университета были основаны в различные временные периоды, а их учебные курсы предположительно должны выполнять разные функции, подход к обучению в них представляется достаточно похожим.

Во-первых, все три университета разрабатывают интегрированные образовательные программы, основывающиеся в первую очередь на «новизне», «выборе» и выгодных возможностях трудоустройства. В рамках ЧПБ и РУВП разнообразие выбора подчёркивается наличием факультативов (курсов по выбору, *electives*), как правило, посвящённых популярным темам, таким, как медиаисследования, окружающая среда, визуальная культура и т. д. «Прикладные курсы» бакалавриата или «курсы повышения квалификации» программы РУВП Делийского университета, как и возможность одновременно получать две специальности в УА и УШН, напрямую влияют на возможности трудоустройства студента и его предпринимательские качества.

Во-вторых, особое значение придаётся междисциплинарности и актуальности учебных курсов. В рамках ЧПБ и РУВП в Делийском университете, а также в учебной программе по социологии в УА междисциплинарность представлена как возможность выбирать курсы других кафедр. В соответствии с той же установкой в УШН студентам предоставляется возможность выбирать «дополнительные» (*minor*) курсы и участвовать в «независимых учебных группах». Междисциплинарность обеспечивается включением курсов истории, политологии или литературы в качестве факультативов (*electives*) или «основных курсов» (*foundational courses*). В рамках основной программы по социологии в УА, однако, другие дисциплины появляются только в списках литературы для чтения. Кроме того, принцип актуальности учебных программ реализуется в списках литературы по учебным дисциплинам и в формулировке тем исследований. Программы «факультативов» и «основных курсов» в ЧПБ и РУВП включают некоторые новые предметы, такие как «социология войны», «этнографическая кинорежиссура» и т. д. Более того, в учебных планах наблюдается явное преобладание литературы, опубликованной позже 1990-х гг. К примеру, из 35 работ, изучаемых в рамках курса «Гендер и общество» в УА 30 были опубликованы позже 1990-х гг. Таким образом, с целью увеличения базы знаний и навыков студента производятся попытки включения новых тем исследования, новых источников знаний и междисциплинарного взаимодействия.

В-третьих, во всех учебных программах усилена роль взаимодействия между университетом и бизнесом/промышленностью. Рейтинг успеваемости в РУВП помогает унифицировать процесс оценки студентов для работодателей. В рамках таких курсов, как «Деятельность организаций» и «Практикум по оформлению научных работ» в УА или «Эмпирическое и практическое обучение» в УШН, учащиеся могут на практике ознакомиться с работой различных общественных и исследовательских организаций. Более того, в образовательной программе бакалавриата ставится акцент на чтении этнографических текстов, предметных исследованиях, написании диссертаций и полевых исследованиях, в то время как интерес к социологической теории ослаблен.

Вследствие этого происходит усиление роли прикладных исследований за счет фундаментальных.

В-четвёртых, маркетинговая стратегия университетов включает в себя установление международных партнёрских отношений с зарубежными университетами. К примеру, УА и УШН сотрудничали с Йельским университетом, Институтом политических исследований, Стэнфордским университетом, университетом Беркли и другими с целью повышения статуса и самооценки студентов.

Таким образом, социология и другие социальные науки преподносятся как междисциплинарные, современные, комплексные специальности, которые позволят изучающим их людям улучшить свои жизненные шансы и получить возможность действовать на глобальном рынке. Однако при этом сама суть социальных наук и присущие им критический и творческий принципы оказываются под вопросом.

Сходство между организацией обучения в трех университетах (ДУ, УА и УШН) позволяет предположить, что ориентиром для них служит общая парадигма производства знания, в основе которой стоят неolibеральные принципы. Неolibеральный поворот затрагивает положение публичных университетов, поскольку как публичные учреждения они призваны предоставлять образование с целью достижения общественного блага. Однако возрастающая потребность в продвижении университета на глобальном рынке сказывается отрицательно на возможности содействия общественному благу. Может ли образование, ориентированное на ценности рынка, оставаться «общественным благом»? Как нам рассматривать студентов — как «учащихся» или как «потребителей»?

Речь идёт о реконцептуализации понятия «общественного блага» под влиянием неolibеральной образовательной парадигмы. Дискуссия о роли публичных университетов вызвана не сменой хозяйствующих субъектов; она вызвана семантическим изменением понятия публичного пространства, публичной роли университетов, представляемых ими ценностей и основополагающих факторов их существования. Уникальность публичной сферы заключается в равенстве между составляющими её людьми, критичности её дискурса, открытости многообразию мнений и приверженности конституционным и гражданским правам на юридическом уровне. Соответственно, социальное государство обеспечивает доступность образования, водоснабжения, транспортной инфраструктуры или трудоустройства в рамках общественной жизни с её публичными учреждениями.

Новая концепция стремится стереть все различия между «публичными» и «частными» университетами и создать вместо этого «глобальные университеты». Данный подход преуменьшает значение принципов равенства, критического мышления и доступности образования, созданных в результате упорного труда в процессе исторического развития государства и демократии в целом. Внедрение рыночных принципов в научную и административную деятельность публичных университетов Индии наносит ущерб публичной сфере. В заключение необходимо отметить следующее. Возможно, университеты, и преуспели в условиях глобальной конкуренции, ориентируясь на «глобальные» ценности в области того, что считается «качественным образованием». Однако, игнорируя конкретную силовую политику в различных контекстах и изымая из понятия «публичное» его демократическую составляющую, публичные университеты рискуют потерять саму свою суть. ■

Корреспонденцию направляйте Нихарике Джайсвал <niharika.27.j@gmail.com>

> Новая и старая

команда «Глобального диалога»

Начиная с этого выпуска меняется состав редакторов журнала «Глобальный диалог». Журнал был создан благодаря энтузиазму Майкла Буравого, который до этого момента являлся главным редактором. Теперь его место заняли Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрре. Подготовкой каждого выпуска «Глобального диалога» занимается команда сотрудников из множества стран мира. Журнал издаётся на семнадцати языках и адресован не только университетским учёным, но и всем, кто интересуется социологией. В «Глобальном диалоге» публикуются статьи социологов всего мира. Присоединиться к такой широкой сети авторов, переводчиков и сотрудников журнала — это большая честь и серьёзный вызов для новых редакторов. Новая и старая часть команды «Глобального диалога» вместе преследуют общую цель: совершенствование этого значимого издания, объединяющего социологов всей планеты.

Бригитте Ауленбахер — профессор социологии, возглавляет кафедру теории общества и социального анализа в Университете Иоганна Кеплера в Линце (Австрия). Как заместитель председателя Локального оргкомитета, она участвовала в организации Третьего форума МСА по социологии в Вене в 2016 г. Иссле-

довательские интересы Бригитте Ауленбахер включают социологическую теорию, гендерные и интерсекциональные исследования, социологию труда и заботы. В настоящее время она проводит эмпирические исследования 24-часового ухода за больными и немощными людьми, а также изучает маркетизацию университетов. **Клаус Дёрре** — профессор социологии Университета Фридриха Шиллера в Йене (Германия), возглавляет кафедру социологии труда, промышленной и экономической социологии. Области научных интересов Клауса Дёрре включают, среди прочего, теорию капитализма, финансовый капитализм, гибкие и прекарные условия труда, трудовые отношения и стратегическое объединение работников в профсоюзы. В настоящее время является соруководителем Исследовательской группы по изучению обществ, переживших длительный период экономического роста (совместно с Хартмутом Розой) (при поддержке Немецкого научного общества).

Новым редакторам оказывает поддержку помощница — Апарна Сундар, а также заместительницы Йоханна Грубнер и Кристине Шикерт. **Апарна Сундар** получила степень PhD в области политических наук в Университете Торонто (Канада); работает доцентом в

Бригитте Ауленбахер.

Клаус Дёрре.

Кристине Шикерт.

Йоханна Грубнер.

| Апарна Сундар.

| Лола Бусуттил.

| Август Бага (он же Арбу).

**GLOBAL
DIALOGUE**

Университете Райерсона (Торонто); до 2016 года она занимала должность доцента в Университете Азима Премджи в Бангалоре (Индия), где до сих пор работает в качестве приглашённого преподавателя. **Йоханна Грубнер** имеет степень магистра социологии, является научной сотрудницей Университета Иоганна Кеплера в Линце (Австрия). Её исследовательские интересы включают феминистскую теорию и гендерные исследования с фокусом на телесности и качественных методах. Диссертация Йоханны Грубнер посвящена гендерному равенству в университетах. **Кристине Шикерт** обладает степенью магистра в области американских исследований, в качестве второй специальности изучала социологию. Работает администратором Исследовательской группы по изучению обществ, переживших длительный период экономического роста на кафедре социологии Университета Фридриха Шиллера в Йене (Германия).

К счастью, «Глобальный диалог» не лишился и поддержки сотрудников с большим стажем. Исполнительные редакторы, проживающие в Барселоне (Испания) — **Лола Бусуттил** и **Август Бага** (также известный как Арбу) — продолжают работать над журналом вместе с региональными редакторами и командами переводчиков во всём мире. Лола и Арбу работали с Майклом над журналом с самого первого номера, вышедшего в 2010 г. Лола, профессиональная переводчица и редактор, контролирует качество каждого номера. Арбу, профессиональный графический дизайнер и иллюстратор, отвечает за дизайн «Глобального диалога».

Все региональные редакторы и команды переводчиков продолжают сотрудничество с новыми и старыми членами команды. При этом Майкл всегда готов поддержать нас в качестве консультанта, поможет мягко перейти на новые рельсы и обеспечить «Глобальному диалогу» успех в будущем. Что не менее важно, мы продолжим наше плодотворное сотрудничество с Издательским комитетом МСА. Редакторы-консультанты по-прежнему будут поддерживать связь с Исполнительным комитетом и лично Исполнительным секретарём МСА Изабелой Барлинской и её мадридской командой, чьё участие делает возможным такой смелый проект, как «Глобальный диалог».

Команда редакторов состоит из семи человек, живущих в четырёх разных странах. Новые редакторы будут работать в связке с прежними региональными редакторами и командами переводчиков более чем из семнадцати стран. Эта ситуация представляет собой не только вызов, но и увлекательное занятие для новых сотрудников. «Глобальный диалог» даёт возможность высказаться сторонникам широкого круга различных социологических взглядов и представляет многообразие локальных точек зрения. «Глобальный диалог» — это место оживлённых споров и продуктивных дебатов о социальном и научном развитии, где на трибуну могут выйти как молодые, так и опытные учёные. Таким образом, с помощью нашего журнала мы создаём глобальную сеть социологов, которые анализируют актуальные проблемы нашего времени и активно их обсуждают.

Команда с нетерпением ожидает совместной работы со всеми, кто заинтересован в общем глобальном диалоге. ■